Элитные группы традиционных обществ

С. В. Волков

Университет Дмитрия Пожарского

Сергей Волков

Элитные группы традиционных обществ

«Русский фонд содействия образованию и науке»
2017

УДК 93/94
ББК 63.3

Волков С. В.

Элитные группы традиционных обществ / С. В. Волков — «Русский фонд содействия образованию и науке», 2017

ISBN 978-5-91244-221-6

В книге рассматривается структура и номенклатура элитных социальных групп в различных традиционных (до начала XX в.) обществах Востока и Запада. Затрагиваются такие вопросы, как правовое обособление элитных групп, их численность и удельный вес в населении, порядок их комплектования и уровень самовоспроизводства. Рассмотрена также взаимосвязь традиционных сословных и новых функциональных (офицерства, чиновничества, неслужилой интеллигенции) элитных групп при разложении традиционных обществ в Европе в XVIII–XIX вв.

УДК 93/94
ББК 63.3

ISBN 978-5-91244-221-6

© Волков С. В., 2017
© Русский фонд содействия образованию и науке, 2017

Содержание

Предисловие 6
1. Элитные группы (функциональная и цивилизационная типология) 10
2. Структура элиты традиционных обществ. Номенклатура элитных групп 20
Общества древности и раннего средневековья 20
Европейские общества 34
Мусульманские общества 41
Кастовые общества 50
Общества дальневосточной цивилизации 53
Общества Юго-Восточной Азии 67
Конец ознакомительного фрагмента. 68

Сергей Волков
Элитные группы традиционных обществ

© Волков С. В., текст, 2017
© Яковлев В. Ю., дизайн и оформление обложки, 2017
© Русский фонд содействия образованию и науке, 2017

Предисловие

Всякое общество в социальном плане принято изображать в виде пирамиды, образованной иерархией социальных групп, различающихся статусом, престижем и благосостоянием. На деле, однако, для традиционных обществ картина несколько иная: на огромной платформе-основании возвышается небольшая пирамида, поскольку все социальные группы, расположенные иерархически выше массы «простого народа», вместе взятые составляют лишь несколько процентов от всего населения. Предметом нашего интереса в данном случае как раз и являются эти группы в различных обществах традиционного типа – номенклатура таких групп, их численность и удельный вес в населении, порядок комплектования, состав по социальному происхождению и уровень самовоспроизводства.

Под «традиционными» здесь имеются в виду общества до начала XX в. (а некоторые афро-азиатские – и несколько позже этого времени), которые принципиально отличаются от «массового» общества, вполне сложившегося в Европе и Америке после Первой мировой войны (что достаточно наглядно сказалось и на социальной структуре общества, и на конфигурации и составе его элитных групп). Под «массовым» обществом имеется в виду то, которое начало создаваться примерно с середины XIX в. под влиянием «промышленной революции» и демографического взрыва, имевшего место в том столетии. Эти факторы, вместе взятые, и обусловили явление, которое довольно метко было названо «восстанием масс». Хотя удельный вес в обществе элиты в целом не претерпевает радикальных изменений, политические институты и идеология массового общества настолько отличны от традиционного, что набор элитных групп существенно меняется.

Термин «элита», обозначающий некоторое меньшинство, превосходящее общую массу в некоторых отношениях, в литературе используется весьма произвольно. В социологии, как известно, существует целый ряд «теорий элиты», приверженцы которых понимают под элитой то «лучших по профессии» в каждом слое (вплоть до «элиты воров»), то индивидуумов, отличающихся особыми морально-нравственными свойствами, то социальные «верхи» – высшие по статусу или благосостоянию социальные группы, то исключительно высший слой лиц, обладающих политической властью.[1] Независимо от того, идет ли речь о личных качествах отдельных лиц или о занимаемом ими по факту положении в обществе, любой подход исходит из объективного наличия некоторого занимающего особое положение меньшинства, вне которого существование общества непредставимо. Как отмечал один из известных философов XX в.: «То, что “должно быть”, сводится к тому, что быть может, а последнее отвечает условиям реально существующего… Всякое истинное суждение о чём бы то ни было зиждется на предварительном коленопреклоненном созерцании действительности… Вместо того чтобы говорить о том, что должно быть (а так поступают моралисты и правоведы), нужно вникнуть в то, что уже есть. Может ли общество жить без аристократии – вопрос праздный. И, кроме того, однозначно решенный с первозданных времен: общество без аристократии, без избранного меньшинства абсолютно невозможно[2]». При том или ином подходе круг лиц, относимых к элите, может выглядеть или чрезвычайно широким, или слишком узким, или вообще принципиально неопределенным.

---

[1] К началу XX в. сформировались два основных подхода к вычленению элит. Один, родоначальником которого является В. Парето, относит к элите лиц, «обладающих наивысшими показателями в своей сфере деятельности» (*Pareto V.* Elites and Their Circulation // Structured Social Inequality: A Reader In Comparative Social Stratification. New York, 1969). Другой, связанный с именем прежде всего Г. Моска, отождествляет с элитой «правящий класс» в самом широком смысле этого слова (*Mosca G.* The Ruling Class // The Logic of Social Hierarchies. Chicago, 1971), причем в ряде случаев понятие элиты сужается до узкого круга занимающих видное положение государственных деятелей.

[2] *Ортега-и-Гассет Х.* Восстание масс. М., 2003. С. 334–335.

В социологическом же смысле существенны не личные качества индивидов, а принадлежность их к тем или иным общностям, которые имеют в обществе статус, выделяющий их из большинства населения. Поэтому в данном случае под элитой понимается вся совокупность членов тех социальных групп, которые занимают положение выше основной массы населения. То есть слой, насчитывающий в каждой стране по крайней мере десятки тысяч людей. Основой социальной структуры традиционного общества, как бы «нулевой отметкой» является «простой человек» – обычно свободный полноправный «непосредственный производитель» (крестьянин и ремесленник), представляющий, как правило, абсолютное большинство населения, ниже которого стоят различные категории неполноправных – слуги, личнозависимые, батраки и другие наемники физического труда, лица презираемых профессий, люмпены, рабы и т. д. Фактически в традиционном обществе социальные группы, о которых идет речь, включают всех, кто стоит выше лиц простейших функций: будь то предприниматель (купец), чиновник, священнослужитель и вообще любое лицо хотя бы самого простого умственного труда.

Эти группы здесь и далее условно именуются «элитными группами». Такой термин выглядит максимально нейтрально и позволяет уйти от полемики вокруг терминов, связанных с именованием элементов социальной стратификации общества. Многообразие социальных групп и различное правовое оформление их в тех или иных обществах порождает чрезвычайное разнообразие в терминологии для их обозначения, тем более что даже такие привычные понятия, как «сословие», как будет показано ниже, выглядят совершенно не однозначно; дефиниция их достаточно спорна, и смысл, вкладываемый в них теми или иными исследователями, бывает весьма разным. Поскольку данная книга посвящена исключительно наблюдениям над фактической стороной структуры элитного слоя различных обществ и их характеристик, столь абстрактный термин как «элитная группа» представляется наиболее удобным.

Основную проблему для сравнительного исследования круга вопросов, связанных с элитными группами традиционных обществ составляет относительная скудость имеющегося фактического материала. С одной стороны это вызвано объективным недостатком сведений, а тем более конкретных цифровых данных для абсолютного большинства не только древних обществ, но и средневековых азиатских обществ (за исключением разве отдельных периодов истории некоторых стран Дальнего Востока). С другой стороны, эти вопросы обычно привлекают весьма незначительное внимание в науке. В капитальных трудах по истории отдельных государств и регионов всему перечню проблем, касающихся элитных групп, обычно посвящено в общей сложности лишь 3–4 страницы из нескольких сот. Положению в обществе элитных групп и их характеристикам посвящено некоторое количество книг общетеоретического[3] или обзорного[4] характера, однако там в большинстве случаев приводится весьма скромный и случайный фактический материал. Монографические же исследования, посвященные какой-либо из таких социальных групп, сравнительно редки.

Тем не менее по целому ряду стран, исследования, посвященные тем или иным элитным группам и позволившие получить по ним конкретные объективные данные, проводились. Например, монографии или достаточно обстоятельные статьи такого рода имеются по раннему[5] и среднему[6] периодам истории Византии, по ряду европейских стран – Англии,[7] Франции,[8]

---

[3] *Carlton E.* The few and the many: a typology of elites. Scolar Press, 1996; *Clark G.* The Son Also Rises: Surnames and the History of Social Mobility. Princeton University Press, 2014; *Kaelble H.* Social Mobility in the 19th and 20th Centuries: Europe and America in Comparative Perspective. St. Martin's Press, 1985; *Keller S.* Beyond the Ruling Class: Strategic Elites in Modern Society. New Brunswick, 1991; *Marger M.* Elites and Masses: an Introduction to Political Sociology. New York, 1987; *Reinhard W.* Power elites and state building. Clarendon Press, 1996.

[4] The European Nobility in the Eighteenth Century / Ed. by A. Goodwin. L., 1953; *Verba S.* Elites and the Idea of Equality: a Comparison of Japan, Sweden, and the United States. Cambridge (Mass.) – L., 1987.

[5] *Лебедева Г. Е.* Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980; *Чекалова А. А.* Сенаторская аристократия Константинополя в первой половине VI в. // Византийский временник, 33,1972.

[6] *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974.

Германии,[9] Швеции,[10] России,[11] а также по Китаю[12] и некоторым странам Дальнего Востока[13] и Юго-Восточной Азии.[14] Значительная часть результатов конкретных исследований или обзоров на эту тему опубликована в издававшихся в нашей стране и за рубежом нескольких тематических сборниках статей, специально посвященных элитным группам разных стран[15] или социальной структуре различных обществ,[16] а также в отдельных статьях на соответствующие темы в научной периодике. Наконец, некоторые сведения по ряду вопросов, связанных с элитными группами традиционных обществ содержатся в монографиях, посвященных истории и государственному устройству тех или иных государств.[17] В совокупности все эти данные всё-

---

[7] *Stone L.* The Crisis of the Aristocracy, 1558–1641. L., 1965; *Tawney R. H.* The Rise of the Gentry, 1558–1640 // Past and Present, XI (1941), repr. in Essays in Economic History. Vol. 1 / Ed. E. M. Caruc-Wilson. L., 1954; *Razzell P. E.* Social Origins of Officers in the Indian and British Home Army, 1758–1962 // British Journal of Sociology. Vol. 14 (3), 1963; *Otley C. B.* The Social Origins of British Army Officers // Sociological Review. Vol. 18 (2), July 1970.

[8] *Пименова Л. А.* Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986; *Шарль К.* Интеллектуалы во Франции. М., 2005; *Couturier M.* Reshershes sur les structures sociales de Chateaudun, 1525–1789. Paris, 1969; *Ford F.* Robe and Sword: The regrouping of the French Aristocracy after Louis XIV New York, 1965; *Huppert G.* Les bourgeois gentilshommes: an essay on the definition of elites in Renaissance France. Chicago, 1977; *Mousnier R.* Le Conceil de roi. Paris, 1970.

[9] *Rosenberg H.* Bureaucracy, Aristocracy and Autocracy: The Prussian Experiens, 1660–1815. Cambridge, Mass., 1958; *Demeter K.* The German Officer Corps in Society and State, 1650–1945. L., 1965; *Craig G. A.* The Politics of the Prussian Army. New York, 1964.

[10] *Fahlbeck P. E.* Der Adel Schwedens (und Finlands): Eine Demographische Studie. Jena, 1903.

[11] Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. Очерки истории. СПб., 2006; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992; *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 1993; *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998; *Корелин А. П.* Дворянство в пореформенной России 1861–1904 гг. М., 1979; *Кабузан В. М., Трощкий СМ.* Изменения в численности, удельном весе и размещении дворянства в России в 1782–1858 гг. // История СССР. 1971. № 4; *Трощкий СМ.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в. М., 1974; *Freeze G. L.* The Russian Levities: Parish Clergy in the Eighteenth Century. Cambridge, Mass.; London: Harvard University Press, *1977; Pintner W. M.* The Social Characteristics of the Early Nineteenth Century Russian Bureaucracy // Slavic Review American Quarterly of Soviet and East European Studies. Vol. 29. № 3. Sept., 1970.

[12] *Chang Chung-li.* The Chinese Gentry. Seattle, 1970; *Chu Tung-tsu.* Han Social Structure. Seattle-London, 1972; *Eberhard W.* Social Mobility in Traditional China. Leiden, 1962; *Eberhard W.* Conqueres and Rulers. Social forces in medieval China. Leiden, 1965; *Ebrey P. B.* The Aristocratic Families of Early Imperial China. Cambridge, 1978; *Hsieh Pao Chao.* The Government of China (1644–1911). New York, 1966; *Kracke E. A.* Civil Service in Early Sung China, 960–1067. Cambridge, Mass., 1953; *Marsh R. M.* The Mandarines: Circulation of Elites in China 1600–1900. Glencoe, 1961; *Parsons J. B.* The Ming Dynasty Bureaucracy: Aspects of Background Forces // Chinese Government in Ming Times. NY.-L., 1969; *Twitchett D.* The Composition of the T'ang Ruling Class // Perspectives on the T'ang. New Haven-London, 1973.

[13] *Волков С. В.* Служилые слои на традиционном Дальнем Востоке. М., 1999; *Волков С. В.* Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М., 1987; *Грачев М. В.* Формирование древнеяпонского чиновничества в VII – начале VIII вв. Рукопись канд. дисс. М., 1998; *Mannari H.* The Japanese Business Leaders. Tokyo: University of Tokyo Press, 1974; *Ch'oe Yongho.* The Civil Examinations and the Social Structure in Early Yi Dynasty Korea: 1392–1660. Seoul, 1987; *Чхве Джинок.* Чосон сидэ сэнвон чинса ёнгу (Исследование обладателей степеней сэнвон и чинса периода Чосон). Сеул, 1998; *Спеваковский А. Б.* Самураи – военное сословие Японии. М., 1981.

[14] *Агаджанян А. С.* Провинциальное чиновничество и государственный феодализм в Бирме // Народы Азии и Африки, 1983, № 3; *Антощенко В. И.* Чиновничество в социальной структуре феодального Вьетнама XVII–XVIII вв. Рукопись канд. дисс. М., 1991; *Никитин А. В., Федорин А. Л.* О роли феодальных родов в истории Вьетнама // Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 1. М., 1985.

[15] Elites: choice, leadership and succession / Ed. by Pina-Cabral de J., Pedroso de Lima A. Oxford-New York, 2000; The Rich, the Well Born, and the Powerful; Elites and Upper Classes in History / Ed. by F. C. Jaher. Urbana-Chicago-London, 1973; Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997; Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986; Социальные группы традиционных обществ Востока. Ч. 1–2. М., 1985.

[16] Социальная структура общества в XIX в. М., 1982; Ранние формы социальной стратификации. М., 1993; Историко-социологические исследования. М., 1970; Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987; Социальные организации в Китае. М., 1981; Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982; Феномен восточного деспотизма. М., 1993.

[17] Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М., 1994; *Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997; *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968; *Воробьев М. В.* Чжурчжэни и государство Цзинь. М., 1975; *Строева Л. В.* Государство исмаилитов в Иране в XI–XIII вв. М., 1978; *Агаджанов С. Г.* Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М., 1991; *Азимджанова С. А.* Государство Бабура в Кабуле и в Индии. М., 1977; *Большаков О. Г.* История Халифата. Т. 1–2. М., 1989–1993; *Бунятов З. М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегенидов. 1097–1231. М., 1986; *Гордлевский Вл.* Государство Сельджукидов Малой Азии. М. – Л., 1941; *Жуков К. А.* Эгейские

таки позволяют в некотором приближении представить себе общую картину правового положения элитных групп в традиционных обществах, перечня таких групп в разных странах, численности и удельного веса в населении их членов, порядка комплектования, состава по социальному происхождению и уровня самовоспроизводства и сопоставить ситуацию в странах того или иного цивилизационного типа.

эмираты в XIV–XV вв. М., 1988; *Семенова Л. А.* Из истории Фатимидского Египта. М., 1974; *Семенова Н. И.* Государство сикхов. М., 1958.

1. Элитные группы (функциональная и цивилизационная типология)

Существуют несколько основных видов элитных групп в зависимости от того «актива», обладание которым обеспечивает данной группе первенствующее положение. Таковыми являются: 1) административный ресурс (непосредственное осуществление властных полномочий); 2) культ (исполнение сакральных и духовных функций); 3) знание; 4) происхождение; 5) богатство. Названные активы могут естественным образом совмещаться, создавая ситуацию, когда одни и те же люди или социальные группы соединяют в своем лице несколько из них или даже все. Но и в этом случае обычно какой-то из них является главным, изначальным, по отношению к которому другие являются производными. Например, в теократическом обществе правящий слой, хотя бы эти люди занимали управленческие должности и обладали наибольшим богатством, – прежде всего жрецы соответствующего учения, и ведущую роль играет их положение в иерархии идеологического авторитета, в бюрократическом обществе будет важно само по себе положение на служебной лестнице или близость к трону, в аристократическом – для получения всех иных активов будет важна знатность происхождения, в плутократическом – размер личного состояния. Высказывались предположения, что с наступлением эры «информационного общества» основой власти, духовного влияния и богатства станет интеллект.

Большинство традиционных обществ были аристократическими или бюрократическими (хотя и плутократические встречаются с глубокой древности), в которых правила элита, условно говоря, «меча» или «пера», то есть для должностных лиц их положение именно в качестве таковых было определяющим. Связь их с собственностью или культом, знатность не имели существенного значения. Причем в Европе аристократические в большинстве случаев со временем сменялись бюрократическими (так обстояло дело и в Российской империи, высший слой должностных лиц которой никогда не был самым богатым слоем, а к началу XX в. почти вовсе утратил связь с собственностью).

В обществах, порожденных «восстанием масс», на первый план выходит богатство, и власть часто становится производной от него (если не брать также свойственные эпохе тоталитарные идеократические диктатуры, неизбежно носящие квазитеократический характер). Большинство современных обществ являются плутократическими, что де-факто признаётся социологией, которая в основу социальной стратификации и деления общества на слои кладет не профессиональный, не статусный, не образовательный, а именно имущественный признак – размер дохода. В них само по себе занятие высоких государственных должностей не является самоценным, а лишь производным (часто на них допускаются и достаточно случайные люди), а для реального влияния существенно прежде всего положение в сфере собственности.

В состав элиты (в том смысле, как она здесь понимается) в любом традиционном обществе обязательно входят лица, могущие отнести себя хотя бы к одной из следующих групп: родственники правителей (независимо от занимаемого положения), все члены высшего в данном обществе сословия (если оно носит наследственный характер), служители культа, офицеры и чиновники, лица умственного труда (образованные люди), купцы и предприниматели (обладающие состоянием, выделяющим их из массы населения).

Обычно эти группы тяготеют к законодательному оформлению. Место, занимаемое в иерархии каждой из них не обязательно прямо прописано в законодательстве, но так или иначе обнаруживается в различных правовых нормах, касающихся, например, поступления на службу, допуска в те или иные учебные заведения, налогообложения и т. д., так что по совокупности таких норм иерархия вырисовывается в каждом случае достаточно очевидно. Например, в Российской империи она выглядела примерно так: 1) потомственные дворяне, 2) офи-

церы и чиновники, не достигшие прав потомственного дворянства, 3) духовенство, 4) купцы и предприниматели, 5) лица интеллектуальных профессий или соответствующего образования, не входящие в предыдущие группы, 6) частные служащие. За пределами этой общности остаются ремесленники, мелкие торговцы, крестьяне и лица наемного физического труда. Приблизительно сходная картина характерна (при том или ином оформлении или вовсе без него) и для других европейских стран того же периода.

В обществах иного цивилизационного типа набор конкретных групп может быть различен, но если попытаться вычленить общее, то в абсолютном большинстве традиционных обществ можно выделить пять основных групп: аристократия, служилые слои, духовенство, купечество (предприниматели) и неслужилые лица умственного труда. При этом в некоторых обществах ряд социальных групп, объективно занимающих важное положение и в любом случае стоящих выше массы населения по благосостоянию или функциям (например, представители ряда профессий умственного труда в Риме, купцы в обществах традиционной китайской культуры, гулямы в мусульманских странах), могли не считаться престижными с точки зрения государственной идеологии или общественных представлений, что создавало противоречие между их ролью в обществе и формальным социальным статусом (иногда даже рабским).

Аристократия во всех известных обществах складывалась четырьмя путями. 1. Она представляла собой потомков родовой верхушки (разных родов), сплоченных вокруг правителя централизованного государства. 2. Она представляла собой независимых крупных землевладельцев, при образовании единого государства конституировавшихся в высшую знать (в ряде случаев сохранявших свои владения, в ряде случаев – лишенных их или независимого ими управления). 3. Состояла изначально из членов правящего рода, разросшегося в заметную социальную группу. 4. Создавалась правителями из числа заслуженных лиц, получавших наследственные титулы знатности. Но в ряде обществ она может вовсе не выделяться.

Из всех терминов, характеризующих высшие слои общества, термин «аристократия» в литературе употребляется наиболее абстрактно. В большинстве случаев авторы не связывают с ним сколько-нибудь определенной для них самих социальной группы, а употребляют его просто как обозначение высшего слоя общества. Если же при этом и имеется в виду какая-то конкретная, социально очерченная группа, то она может быть самой разной и по численности и по своей природе. В отношении многих, если не большинства, восточных обществ это имеет некоторое оправдание, поскольку, действительно, набор высших групп, претендующих на такую дефиницию, там весьма многообразен. Тем не менее некоторая ясность в этот вопрос может и должна быть внесена, и точкой отсчета должно, конечно, служить европейское понимание аристократии. Не потому, что европейский тип развития более «нормативен» в рамках «мировой цивилизации» (скорее, наоборот). Но хотя бы потому, что вся современная наука (в т. ч. и в современных странах Востока) по происхождению, используемым методам и понятиям есть наука европейская.

Для европейских же стран под аристократией совершенно правомерно подразумевались носители наследственных титулов, составлявшие высший слой дворянства, или (при отсутствии титулов) равноценная им социальная группа. Во всяком случае, аристократия в европейских странах – это элита высшего, наиболее привилегированного в государстве сословия (дворянства). Таким образом, социальное значение термина «аристократия» состоит в обозначении верхушки высшего в данном обществе социального слоя (на практике социально открытой, но наследственной). Причем такой верхушки, которая сама по себе может быть названа социальным слоем, а не состоит всего лишь из нескольких десятков человек.

В отношении азиатских стран, особенно дальневосточных, вопрос стоит сложнее. Употребляя этот термин, дефиниций обычно не дают, и это понятно: при отсутствии в этих странах дворянства европейского типа аристократию как бы не с чем соотнести, и под ней часто разумеется всё то, что напоминает европейское дворянство в целом, т. е. лица с наследственным

(пусть не всегда юридически оформленным) привилегированным статусом.[18] Однако достаточно выбрать те черты, которые определяют социальную сущность аристократии и соответствуют совокупности нескольких самых общих критериев. Аристократия, во-первых, должна представлять собой достаточно заметную численно группу (т. е. не сводиться к 2–3 десяткам человек), во-вторых, составлять лишь относительно небольшую часть всего высшего привилегированного слоя (а не весь этот слой), в-третьих, иметь наследственный характер, в-четвертых, обладать некоторыми специфическими атрибутами (титулами, фиксированной генеалогией, общественным признанием). Ничего удивительного, что в условиях реалий традиционных восточных обществ круг лиц, к которым применим термин «аристократия», может быть различным не только для разных стран, но и для разных периодов истории одной и той же страны.

Существует мнение, что на традиционном Дальнем Востоке (в странах ареала китайской политической культуры) аристократии вообще быть не могло, потому что традиционная дальневосточная система в принципе не допускала возникновения потомственного привилегированного сословия. Действительно, высший слой чиновничества там не мог юридически обеспечить своим детям столь же высокое положение в служебной иерархии (а только гарантировать поступление на службу), обладатели титулов знатности не могли передавать их по наследству, члены древних служилых родов, родовитых кланов, «сильных домов» никак формально не отличались от простолюдинов, если не были чиновниками, а служили далеко не все члены таких семей. Наличие аристократии как признаваемой государством наследственной группы (кроме потомков правителей) нехарактерно для классических вариантов традиционной дальневосточной системы.

Однако страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, находившиеся в сфере влияния китайской культуры, сохраняли значительный потенциал изначально присущей им аристократической традиции, которая при ослаблении по тем или иным причинам китайского влияния прорывалась наружу и проявляла себя достаточно зримо. Наконец, и в самом Китае бюрократическое начало не было изначально не только единственным, но первоначально не было даже преобладающим. Правда, в Китае аристократическая тенденция была задавлена бюрократической еще в древности, что и определило в дальнейшем специфику дальневосточной цивилизации, но и в раннее средневековье было время, когда в результате завоевания Северного Китая кочевыми племенами аристократическая тенденция обрела на несколько столетий «второе дыхание» и весьма отчетливо просматривается и в период танской, «китайской из китайских», династии.[19] Ну и в конце концов, даже в самом Китае аристократия в любом случае существовала при всех династиях как совокупность родственников правящего рода, т. е. в том же качестве, в каком она существовала в Восточной Европе XIV–XVI вв. – в Великом княжестве Литовском и Русском государстве, где аристократия ограничивалась носите-

[18] Во всяком случае, именно такое впечатление производят работы по китайской аристократии. В целом различается по меньшей мере десять основных подходов в понимании аристократии, под ней имеются в виду: 1) члены влиятельных кланов, так называемые «сильные дома»; 2) члены правящего рода; 3) члены нескольких приближенных к престолу родов; 4) носители титулов знатности; 5) высшие сановники; 6) наиболее родовитая часть чиновников; 7) всё чиновничество; 8) крупные землевладельцы; 9) образованная элита, носительница культурных традиций; 10) весь привилегированный слой общества. На практике все эти категории населения, естественно, всегда пересекаются, полностью или частично совпадая по персональному составу. Но очевидно, что среди них названы явления совершенно разного порядка, в т. ч. носящие явно эмоционально-оценочный характер.

[19] Тут следует подчеркнуть, что я рассматриваю аристократию только как функционально-статусную группу, отвечающую названным выше критериям, т. е. группу, представляющую небольшую часть, верхушку высшего сословия, а не всё сословие (с которым может быть соотнесен весь слой родов шидафу). Поэтому для этого времени аристократией в том смысле, в каком употребляется этот термин в настоящей книге, можно считать лишь несколько десятков наиболее могущественных кланов (которые и формально отделялись от остальных служилых родов). Весь же остальной круг родов и семей, официально зарегистрированных в реестрах и выделенных таким образом из массы населения, представляет собой по своему месту в социальной структуре общества, статусу в нём и функциям полный аналог европейского дворянства, поскольку им и исчерпывается всё высшее сословие.

лями княжеского титула (а тогда его могли иметь только лица, принадлежащие к правящим династиям – Рюриковичи и Гедиминовичи).

Так что если дальневосточное чиновничество можно соотнести с европейским дворянством весьма условно, то такой элемент социальной структуры, как аристократия, всё-таки является общим для обеих цивилизаций. Разница только в том, что в аристократических европейских обществах наследственная аристократия является частью наследственного же дворянского сословия, составляя его верхушку, и никак принципиально не отличается от всего высшего сословия, а в бюрократической традиционной дальневосточной системе наследственная аристократия, также составляя (правда, часто только в своей части) верхушку высшего служилого сословия, совершенно по-иному соотносится с остальной его частью – принципиально ненаследственным чиновничеством. Здесь она выглядит инородным телом, представляя собой как бы антисистемный «островок» в море «меритократической» идеологии и социально-политической практики.

Служилые слои существуют и занимают привилегированное положение в любом обществе. Это то, что известно нам как дворянство. Действительно, наиболее типичной формой этого слоя являются служилые землевладельцы – лица, обязанные военной службой и получающие для возможности ее исполнения земельные наделы (обычно с зависимыми людьми) или право сбора налога с определенных территорий. На этих же основаниях получали землю и вообще чины администрации (если в одних обществах их было очень немного, то в других, «бюрократических» обществах их было не меньше, а часто больше, чем военных). Служилые люди в любом случае (практически всегда) стояли на следующей ступеньке после аристократии (которая обычно была их высшим слоем). Но их обеспечение не обязательно могло быть связано с землей, известны (в т. ч. и в очень ранние времена) различные формы денежной оплаты. При существовании регулярной армии и развитого государственного аппарата этот слой был представлен офицерами и чиновниками, в иных случаях – эволюционировал в этом направлении. Внутри слоя обычно выделяются высшие и низшие страты. Общее здесь то, что речь идет о слое, выполняющем государственные административные и силовые функции и занимающем привилегированное положение по сравнению с массой населения.

Духовенство в том или ином виде также присутствует почти во всех обществах. В теократических оно составляет реально правящую группу, во многих других, не занимая на деле этого места, декларируется как высшее или первое сословие. В ряде случаев оно может занимать довольно скромные позиции среди других элитных групп, но всегда остается в их числе. В абсолютном большинстве случаев духовенство было оформлено как особый слой (сословие). При этом имеется в виду собственно жречество (которое обычно подразделяется на несколько страт), которое следует отличать от существующего в ряде конфессий монашества, представляющего собой в статусном плане всего лишь рядовых лиц, исключенных в административном и фискальном отношении из массы населения, но не отличающихся от него ни по трудовым функциям, ни по образовательному уровню.

Купцы в большинстве традиционных обществ стояли на низшей ступени (хотя в разное время известны и общества с ведущей ролью торговой олигархии) среди элитных групп. Почти везде они осознавались как особая социальная группа, но часто не были оформлены в отдельное сословие или юридически не выделялись из более общей группы (напр., «горожан» и т. п.), хотя были объединены в корпорации. В небольшом числе сильно бюрократизированных обществ (где соответствующие функции были делом государства и выполнялись государственными агентами) этого слоя не существовало.

Неслужилые лица умственного труда обычно не выделялись в сословном плане или входили в одну группу с низшим служилым элементом. В традиционных обществах (за исключением позднего периода, когда начинается разложение традиционного общества) они были

крайне немногочисленны, т. к. сфера их деятельности, как правило, полностью охватывалась чиновничеством и духовенством.

* * *

Элитные группы в зависимости от типа общества могут быть обособлены в юридические группы (сословия) или существовать вне законодательного оформления. При этом сословное деление (при всех формальных его признаках – в законодательстве прослеживается наличие социальных групп, отличающихся друг от друга по объему прав и статусу) может вовсе не отвечать реальной иерархии элитных групп и даже вовсе не иметь к ней отношения. Фактически по-настоящему сословными являются только европейские традиционные общества средневековья и нового времени, а также некоторые древние и раннесредневековые общества, созданные индоевропейцами (например, Сасанидский Ира н).

Понятие сословия вообще достаточно неопределенно, но если вычленить общее и бесспорное в многочисленных определениях и толкованиях данного понятия, то это прежде всего социальная группа, обладающая юридически зафиксированными правами и обязанностями и отличающаяся совокупностью, набором таковых от других социальных групп данного общества. По существу, «номенклатура» сословий определяется законом (совокупность прав и обязанностей – понятие юридическое), и если данная социальная группа не выделяется государством в правовом отношении, то, строго говоря, сословием она заведомо называться не может. Когда сословное деление непосредственно зафиксировано в законодательстве (дается перечень сословий), сословная стратификация общества не вызывает затруднений; сложнее обстоит дело, когда в обществе просто имеется ряд социальных групп с различным набором ограничений и привилегий и особенно тогда, когда социальные группы выделяются по разным критериям и человек может быть одновременно членом нескольких из таких групп, каждая их которых претендует в принципе на название сословия.

Неоднозначна ситуация с «сословиями» и в традиционных дальневосточных обществах средневековья и нового времени «конфуцианского типа» – ареала распространения китайской политической культуры. Хотя здесь законодательство фактически различает целый ряд категорий населения, которые вполне можно именовать, например, «сословными группами» или «субсословиями» (чиновники и вообще «образованные люди, ученые», крестьяне, ремесленники, торговцы, различные виды неполноправных вплоть до рабов), но по большому счету (и «официально») сословий только два: 1) полноправные – «добрый народ» (которым в принципе открыт путь в чиновники через сдачу государственных экзаменов) и 2) неполноправные – «подлый народ» (которым этот путь закрыт). «Добрый народ» при этом охватывает лиц от родственников правителей до рядовых крестьян, внутри, правда, достаточно четко выстроена «морально-статусная» иерархия «ученые – крестьяне – ремесленники – торговцы» (двум последним категориям временами тоже ограничивался доступ к экзаменам). Де-факто, конечно, привилегии чиновников (лиц, имеющих общегосударственный ранг (им обычно наделяются и некоторые категории реально не служащих лиц)) настолько очевидны, что обычно считают возможным выделять в таких обществах всё-таки три сословия: 1) привилегированных, 2) полноправных непривилегированных, 3) неполноправных. Таким образом, в традиционной дальневосточной системе выделяются как бы три уровня социальной стратификации: 1) дихотомия свободные – несвободные («добрый» – «подлый» люд), 2) деление этих двух больших групп на 3–4 категории по принципу объема прав (привилегированные, полноправные, неполноправные, бесправные), 3) выделяемые законодательством конкретные социальные группы.[20]

[20] Вопрос о том, деление какого именно уровня считать сословным делением, решается в литературе по-разному (не говоря

Наиболее существенно в определении сословия именно обладание данной социальной группой совокупностью прав и обязанностей, отличающей ее от других социальных групп, а не наследственность сословной принадлежности и степень замкнутости. Об этом приходится упоминать потому, что под влиянием установившихся в советской науке стереотипов[21] обязательным признаком сословия часто полагают наследственность. Поэтому приходится встречать утверждения о «несословности», в частности, дальневосточных обществ именно по причине отказа социальным группам в этих странах называться сословиями из-за принципиальной ненаследственности социального статуса их членов и относительной открытостью, легкостью перехода из одной социальной группы в другую.[22] Но это совершенно неверно (возможно, осно-

---

уже о том, что общества традиционной дальневосточной системы иногда вообще считают несословными). Тем более, что при его решении не всегда можно опираться на выделение искомых групп законодательством, поскольку иногда при одинаковом, в принципе, социально-профессиональном составе населения, в одних странах законодательство выделяло 3–4 группы, в других – до 10 и более. Но, исходя из привычных критериев близких нам европейских понятий (где сословное деление, как принято считать, выступает наиболее выпукло и определенно), предпочтительнее выделять в сословия достаточно большие группы населения, существенно отличающиеся друг от друга по социальному статусу и объему прав. Таковых же можно выделить обычно не более 3–4, и для стран традиционной дальневосточной системы ими будут чиновничество (в широком смысле этого слова, т. е. включая примыкающие к нему группы), простолюдины и личнозависимые. Что же касается более мелких социальных групп, существующих параллельно с основными и тем более входящих в состав более крупных (например, члены правящего клана, субчиновничество, ремесленники, различные категории несвободных и т. п.), то они могут быть названы сословными группами, субсословиями или сословиями второго порядка. Любопытно, что при всей разнице в наборе называемых сословий единственное сословие, которое присутствует во всех схемах, это сословие свободных простолюдинов, т. е. именно тот слой населения, который составляет подавляющее большинство в обществе. Характерно при этом, что никто не считает сословиями те четыре группы, на которые «простой народ» (и шире – всё население) делится в системе традиционных китайских представлений: образованные люди, земледельцы, ремесленники и торговцы; в лучшем случае они считаются прослойками. Для этого действительно есть основания, поскольку в правовом отношении различия между ними в традиционной дальневосточной системе незначительны (сводятся практически к тому, что ремесленникам и торговцам запрещалось сдавать экзамены на чин), и существование этих групп в китайской политической традиции отражает лишь представления о сравнительной престижности соответствующих занятий. Однако в странах региона, отошедших от традиционной дальневосточной системы или никогда не принадлежавших к ней, именно эти категории населения являлись настоящими сословиями. Так в Японии после X в. сословие чиновников так и не оформилось, но выделяются сословия аристократии, самураев (или военно-служилое сословие), крестьянство и городское сословие, а к началу периода Токугава насчитывалось 4 сословия: самураи, крестьяне, ремесленники и торговцы, кроме них существовали аристократия, духовенство и парии (*Толстогузов А. А.* Социальна я мобильность в средневековой Японии // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986. С. 92–95). Помимо сословия свободных простолюдинов более или менее очевидным является существование сословий чиновников (в которое некоторые включают и знать, родственников правителя), духовенства (монахов) и несвободных (иногда подразделяемое на ряд более мелких сословий). Выделять в социальной структуре дальневосточных обществ в качестве самостоятельного сословия так называемую знать едва ли правомерно. К ней обычно относят родственников правителя (в т. ч. и по жене) и обладателей почетных титулов. Разумеется, они стояли по общественному и имущественному положению выше основной массы чиновничества, однако родственники правителя слишком специфическая и относительно малочисленная группа, чтобы ее можно было считать особым сословием. Что же касается титулов, то они, во-первых, были ненаследственными, а во-вторых, давались за личные заслуги. Наконец, все титулованные особы входили в одну общегосударственную систему рангов, а именно по принципу обладания рангом в дальневосточных обществах и выделялось высшее сословие. Эти люди, составляя специфическую, обособленную группу, входили тем не менее вместе с чиновниками в состав одного сословия. Точно так же, как в Европе носители титулов составляли высшую часть единого дворянского сословия. Европейские титулы и их носители отличаются от дальневосточных в той же мере, в какой всё сословие европейского дворянства отличается от сословия дальневосточного чиновничества. В ряде государств (созданных в результате завоевания части территории Китая кочевыми народами) параллельно сосуществовали два типа сословного деления: для китайцев и завоевателей. Последние делились всегда на три сословия – знать, чиновники и простонародье, без неполноправных. Исключением были Раннее Чжао, Северное Вэй и Поздняя Хань (923–937 гг.), где по причине сильной китаизации создателей государства особого сословного деления для завоевателей не вводилось.

[21] Если в Советской исторической энциклопедии (т. 13. М., 1971. С. 347) определение сословия еще более или менее адекватно историческим реалиям – там сословия характеризуются по их юридическому положению в обществе с добавлением, что «в развитом, сложившемся виде сословия характеризовались наследственностью и относительной замкнутостью», то Советский энциклопедический словарь (М., 1983. С. 1240) называет сословие группой, «обладающей передаваемыми по наследству правами и обязанностями»), а Философский энциклопедический словарь (М., 1983. С. 627) и вовсе уверяет, что «сословия отличаются от таких корпораций, принадлежность к которым является результатом личных достижений индивида (на экзаменах, военной службе и т. д.)», тогда как именно личные достижения на государственной службе, и особенно военной, служили основным источником пополнения высшего сословия в «классических» сословных обществах.

[22] См., например: *Ланьков А. Н.* Политическая борьба в Корее XVI – XVIII вв. СПб., 1995. С. 37; Д. В. Деопик пишет: «Проблема степени социальной вертикальной мобильности очень важна, так как именно ее высокая степень в ЮВА, отсутствие вследствие этого сословных учреждений и прав делает трудным сравнение с феодальной Европой и послужило для

вано на представлении о Европе XVIII–XIX вв.), так как для даже самых «сословных» стран Европы, во всяком случае, до середины XVII в., характерна размытость сословных границ, и состав даже высшего сословия – дворянства очень долго вообще четко не фиксировался. В частности, во Франции вплоть до XVII в. границы его оставались открытыми. Ротюрные семьи легко могли со временем аноблироваться, если на протяжении двух-трех поколений вели дворянский образ жизни и вообще «дворянином был прежде всего тот, кого общество признавало таковым».[23] Собственно, круг родов, принадлежащих к высшему сословию, практически никогда там не фиксировался (в отличие, между прочим, от Китая VII–VIII вв.) даже в XVIII в.[24]

Вообще считать обязательными признаками сословия непременную наследственность социального статуса и замкнутость совершенно неверно. Одновременно оба этих признака присущи не сословию, а касте, и именно их наличием каста отличается от сословия (хотя сама каста представляет собой, конечно, разновидность сословного деления). Замкнутых сословий вообще практически не встречается (даже к клану правителя, если рассматривать его как сословие, можно было быть причисленным благодаря браку с его представителями, усыновлению или дарованию фамилии). Что же касается наследственности, то, действительно, в большинстве случаев сословная система общества предполагает наследование социального статуса. Иногда такое наследование юридически обязательно, в других случаях оно имеет место в силу естественных причин. Можно сказать, что сословия закономерно тяготеют к наследственности. Однако это не значит, что всякое сословие обязательно должно быть наследственным.

Совершенно очевидно, что общество может или быть сословным, или не быть таковым, т. е. не может существовать положения, при котором в обществе часть населения находится вне сословий или имеется одно-два сословия, а остальное население – «вне сословий» (в этом случае оно неминуемо также образует сословие, ибо противопоставляется в правовом отношении тем группам, которые признаются сословиями – по этому принципу, в частности, выделялось «третье сословие» во Франции). Так что если считать обязательным признаком сословия наследственность социальной принадлежности, то придется отказать в праве именоваться сословиями целому ряду сословий даже «классических» сословных обществ, например, русскому купечеству или европейскому духовенству (о наследственности последнего в принципе не могло быть речи по причине целибата), хотя в обоих случаях законодательство прямо называет эти группы населения сословиями. Таким образом, в «классических» сословных обществах (Франция, Россия), законодательством которых к тому же прямо указан перечень сословий, предусматривается, что одни сословия могут пополняться путем наследования, а другие – нет. Наиболее последовательно сущность сословий выражена в российском законодательстве, где они именуются именно «состояниями» (т. 9 Свода законов – «Законы о состояниях»), имея в виду то социальное состояние, в котором пребывает тот или иной индивид.

Обычно в сословных обществах привилегированные сословия выделяются более дробно, а низшее сословие носит как бы «остаточный» характер, тогда как в обществах теоретически бессословных, но реально юридически выделяющих отдельные категории населения, наиболее подробно структурированы низшие неполноправные слои. В древних обществах как Востока, так отчасти и античности можно достаточно четко различить три (иногда четыре) сословия:

некоторых основанием отрицания феодального характера средневековых обществ Юго-Восточной Азии. Степень социальной мобильности – одна из проблем “неевропейских феодализмов”, часто называемых “азиатским феодализмом” или “азиатским” способом производства применительно к средним векам… Для перехода важнейшей в обществе грани достаточно было некоторого богатства, дававшего или связи, или возможность уплаты за звание, или возможность располагать свободным временем для выполнения мелких чиновничьих функций или получения дополнительного образования» (*Деопик Д. В.* Вертикальная социальная мобильность низших групп феодальных землевладельцев и общинной верхушки в Юго-Восточной Азии // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986. С. 180,183).

[23] Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С. 54,66.

[24] С конца XVII в. во Франции несколько раз предпринимались попытки составить «всеобщий каталог» дворян, но они так и не были осуществлены (*Пименова Л. А.* Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986. С. 30).

1) полноправные общинники, имеющие право на землю как члены общины и соответственно голос в местном самоуправлении, 2) свободные неполноправные (чужаки и лица, по разным причинам утратившие связь с общиной) – этих прав не имеющие, 3) несвободные бесправные (рабы и близкие к ним категории населения). В этом случае элитные по функциям и реальной значимости группы – жрецы, придворные, чиновники – никак не выделены и входят в состав первого сословия наравне с простолюдинами (а иногда и второго, поскольку правители комплектуют свой аппарат и двор и за счет чужеземцев), лишь иногда аристократия или жрецы выделены в особое сословие, стоящее выше рядовых общинников.

Еще один аспект организации элиты – отношение к наследованию соответствующего статуса. В принципе во всех обществах элитные группы де-факто носят преимущественно наследственный характер. Но юридический подход к принципу наследования привилегированного статуса может полярно отличаться. На противоположных полюсах его находятся, например, европейские (не говоря уже о кастовых) и дальневосточные общества. В первом случае представитель высшего сословия (дворянин) – это человек, *имеющий право* служить и заполняющий такие элитные группы, как офицерство и чиновничество по праву происхождения, а во втором именно и только сам факт службы делает человека представителем высшего здесь сословия – чиновничества, которое есть сословие *реально служащих*. Если в Европе в наследовании элитного статуса заключается сам смысл принадлежности к высшему сословию, то на Дальнем Востоке всякая возможность получения привилегированного статуса иначе как лично, за службу и по соизволению верховной власти категорически отрицается. Другое дело, что на практике и здесь в большинстве случаев чиновниками становятся дети чиновников, и даже существует механизм, облегчающий такой переход (право «тени» – рекомендации высшими чиновниками на службу младших родственников), но такое право является прерогативой не высокого происхождения, а высокого служебного положения. И хотя на практике (как будет показано ниже) различия в степени наследственности высшего сословия невелики (в Европе интенсивность его пополнения «со стороны» бывала и очень велика за счет резкой убыли, а в дальневосточных странах в большинство периодов среди лауреатов экзаменов преобладали выходцы из служилых семей), принципиальный подход к проблеме комплектования высшего сословия был совершенно разным.

* * *

Традиционные общества представлены в истории огромным числом конкретных примеров, принадлежащих к нескольким основным цивилизационным типам. По способу организации элит они, как представляется, могут быть сведены к нескольким основным видам, большинство из которых соответствует (хотя бы приблизительно) известным региональным цивилизациям (с характерным для них этническим, религиозным и культурным содержанием). Примерно половина этих видов свойственна обществам, которые в своих основных чертах сохранялись к XIX в., элиты которых непосредственно эволюционировали в элиты современного вида.

Первый вид (условно «европейский» или служило-аристократический) представлен обществами, в котором элитные группы расчленены и относительно мало связаны друг с другом. Для него типично классическое сословное деление, когда за каждой из групп в принципе, по идее, закрепляется одна из функций.

Во втором случае элиты расчленены, и сословия и социально-профессиональные элитные группы фактически существуют, но формально уравнены перед лицом высшей власти («деспота») и юридически могут вовсе не выделяться. Именно такая картина наблюдается в большинстве мусульманских обществ.

Для третьего вида характерна нерасчлененность элиты. Элита воплощена в фигуре чиновника (военные – лишь его разновидность), соединяющего в своем лице и власть, и духовно-жреческие функции, и образованность, и материальную обеспеченность. Такова ситуация в странах Дальнего Востока – ареала распространения китайской («конфуцианской») политической культуры.

Особый вид представлен кастовыми обществами. Функциональное деление элиты выражено здесь в наиболее откровенной форме и в раннем виде (варновая система) подано в иерархической последовательности. Под влиянием конкретных условий эта иерархия в реальности меняется, и касты ее выражают более гибко (правят, как правило, военные касты, а за духовными остается лишь монополия на культовую деятельность и связанный с этим почет).

Для иного вида («государственно-патриархального»), свойственного, в частности, обществам, не входивших в зону одной из базовых цивилизаций (европейской, исламской, конфуцианской) или испытавших их влияние лишь частично (например, страны ЮВА), характерно то, что элита здесь структурируется прежде всего на основе правящего рода и создающихся вокруг него сословий по принципу знатности происхождения.

Еще несколько видов организации элит можно выделить в обществах, в основном сошедших с исторической арены многие столетия назад или эволюционировавших в иные. При желании их можно связать и соединить в один тип с более поздними обществами, но всё-таки они обладают достаточно специфическими чертами организации элит, чтобы можно было говорить о них как об отдельных типах.

К ним относится, в частности, «античный» тип, характеризующийся наличием сословных групп, основанных на принципе дееспособности и исполнении гражданских обязанностей, которые позже характеризуются и имущественным цензом.

При типе, условно могущим быть названным «древне-общинном», элитные группы обычно не выделяются в сословном отношении, а представляют собой слой должностных (жреческих, административных, военных) лиц, юридически равный основной массе коренного свободного населения и входящий наряду с ним в высшее сословие полноправных общинников.

Еще один вид («древне-бюрократический»), распространенный, как и предыдущий, главным образом на Древнем Востоке, отличается от него тем, что реально доминирующие слои (жречество, чиновничество) выделяются в статусном плане от массы населения довольно четко.

Вид, условно именуемый «древне-аристократическим», дает картину пирамиды сословных групп, выстроенную в зависимости от знатности происхождения с четкой регламентацией для каждой из них одежды, пищи, жилища, предметов быта и т. д.

«Примитивно-аристократический» вид (свойственный, в частности, большинству кочевых обществ), характерен дихотомией, где родовая знать противопоставлена массе рядовых свободных членов общества при практическом отсутствии промежуточных профессиональных прослоек.

Такое разделение, разумеется, очень условно, поскольку все типы имеют очень много общих черт, часто пересекающихся, и в основу данного деления положены некоторые специфические черты, наиболее сильно развитые именно в данном типе, наличием или степенью развития которых он и отличается от других.

Для крайне примитивных обществ вообще нехарактерна устойчивая социальная структура, и элита существует в виде не социальных групп, а как совокупность отдельных лиц (вождей, старейшин, жрецов и т. д.), положение которых обусловлено случайными обстоятельствами или личными качествами и не обязательно переходит по наследству.

Наконец, в ряде случаев элитные функции принадлежат некоторой этнической группе в целом – когда (независимо от наличия иерархии социальных групп внутри нее самой) по отношению к основной массе населения вся она занимает привилегированное положение и

является средоточием и властных, и духовных, и интеллектуальных, и материальных полномочий. Такая картина наблюдается либо в случае завоевания, когда завоеватели не склонны признавать за покоренным населением иную роль, кроме физического труда, либо в результате упорного нежелания представителей определенной этнической группы заселять нижние этажи социальной пирамиды.

2. Структура элиты традиционных обществ. Номенклатура элитных групп

Общества древности и раннего средневековья

Даже в самых примитивных обществах наличествовала индивидуальная вариация в статусах, тесно связанная с духом соперничества, конкуренции, причем, естественно, во все времена высшие ступени социальной иерархии занимал не тот, кто (больше) производил, а тот, кто владел и распоряжался средствами производства.[25]

В доколониальной Африке, в частности, в большинстве случаев можно наблюдать наличие элитных групп, выделяемых по признаку обладания властью и богатством, а в ряде случаев даже стройную иерархию таких групп. Например, население Золотого Берега конца XVII – начала XVIII в. делилось на 5 страт: 1) короли и правители, 2) кабосиры и вожди, 3) богачи (в основном торговцы), 4) крестьяне и рыбаки, 5) рабы. У аканов (Гвинейское побережье) верхушка общества («знать») состояла из двух категорий: родо-племенной (*абремпонфо*: все вожди, старейшины и жрецы) и служилой (*асомфо*: из чужаков, назначавшихся за личные заслуги и только на вновь учрежденные посты; в конфедерации Ашанди в доколониальный период учреждено 146 таких постов); еще одной категорией «знатных» были *сикафо* («богатые») – новая торговая элита из общинников.[26] В Мали иерархия эндогамных профессиональных групп-каст (земледельцы-воины, ремесленники, певцы-сказители или гриоты) сложилась еще с X в. и была связана с отношением к власти: за гриотами закрепилась функция советников вождей, за кузнецами (средняя ступень иерархии) – идеологическое лидерство и руководство тайными союзами.[27] В Бенине же люди, поднявшиеся к началу «европейского периода» выше «среднего уровня» – род правителя-обы, верховные старейшины, служители культа – еще не вышли из общинной организации (особой жреческой касты не было, тенденцией было замыкание жречества в рамках небольшой, маловлиятельной и внутренне далеко не единой группы лиц, что позже и произошло).[28]

В доколумбовой Америке местные цивилизации, при всех отличиях между собой, равно знали четкое разделение между знатью и простолюдинами. У ацтеков знать (только она могла носить одежды из хлопка) – лица, занимавшие военные и гражданские должности, – делилась на наследственную (*тетеуктин*; в т. ч. и правитель и местные правители) и по пожалованию (простые люди, отличенные за военные заслуги, имевшие должность, получавшие землю, освобождение от налога, но не имевших права на особые украшения, как предыдущие). К знати примыкало жречество, черное и белое (жреческие титулы были и у высших светских лиц). Третьей элитной группой были торговцы, по влиянию и роли в обществе стоявшие между общин-

---

[25] *Артемова О. Ю.* Первобытный эгалитаризм и ранние формы социальной дифференциации // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 50,78.

[26] *Попов В. А.* Историческая динамика общественного расслоения и тенденции классогенеза в параполитейных обществах // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 132–137.

[27] *Арсеньев В. Р.* Мали: традиции культуры и проблемы социально-политического развития // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 223–224.

[28] *Бондаренко Д. М.* Привилегированные категории населения Бенина накануне первых контактов с европейцами // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 165.

никами и знатью (они имели свой сословный суд, и государство обеспечивало им защиту вне пределов страны).[29]

У юкатанских майя к XVI в. также четко различались две группы (помимо рабов): знатные и простолюдины, кроме того, выделялись сословия или группы ремесленников, воинов, купцов, колдунов, врачей, прорицателей. К знати принадлежали (только по рождению) правители, жреческая и чиновная верхушка и все другие, могущие доказать, что их предки находились среди аристократических семей в Майяпане до его разрушения в XV в. К ним относились *батабы* – начальники крупных поселений (многие из рода правителя, испанцы их называли касиками), *ах куч кабы* – главы квартальных делений городов и крупных селений, военачальники и члены аристократических рыцарских орденов. Кроме того, имелись чиновники ряда категорий с полицейскими и судебными функциями – не члены аристократических родов – и жречество. Такая структура сложилась еще в I тыс. н. э., когда общество уже возглавлялось слоем знати во главе с наследственными династиями светских правителей и жрецов, ниже которого стояли чиновники, писцы, далее – профессиональные ремесленники, внизу – земледельцы.[30]

Теотихуакана (Мексика) представляло собой теократическое государство, в котором класс жрецов сосредоточил и политико-административную власть. Элитными группами здесь были жрецы, торговцы и интеллигенция, но найдены и статуэтки воинов (напоминающие ацтекских аристократов-воинов из орденов «Ягуара» и «Орла»), что заставляет предположить и наличие светской военной знати.[31]

Для древней Месопотамии еще до создания централизованных деспотий было характерно деление общества на полноправных общинников, неполноправных (чужаков или лиц, утративших связь с общиной) и рабов. С III тыс. до н. э. в шумерских городах-государствах выделялась независимая знать – родовая аристократия, занимавшая ведущие места в общине.[32] К ней примыкало жречество, составляя ее немалую часть.[33] Однако при создании единого Шумеро-Аккадского царства эта аристократия была постепенно уничтожена. При кутиях, разрушивших это царство (кутийские вожди были заинтересованы только в дани, управляли чиновники из аккадцев и шумеров[34]), остатки ее еще существовали, но, видимо, были сметены вместе с кутиями, и начиная с государства III династии Ура уже вовсе не встречается знати, ссылающейся на свою генеалогию и возводящую ее к родовому божеству. Знать теперь приобретает исключительно служилый характер: это царская администрация, жрецы (фактически превратившиеся в чиновников) и военачальники.[35] Тот же процесс имел место на севере Месопотамии – в Ассирии. Общинная знать к Новоассирийскому периоду уже исчезла и была заменена служилой, причем цари зорко следили за тем, чтобы не возникали слишком могущественные роды и, вероятно, для предотвращения этого на важные посты нередко назначали евнухов.[36]

В юридическом отношении и знать (высшие чиновники, жрецы, представители крупных деловых домов), и остальные общинники, в т. ч. беднейшие, считались равноправными,[37] хотя

---

[29] *Баглай В. Е.* Социально-классовая структура древнеацтекского общества // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 172–173,175,178–180,183.

[30] *Гуляев В. И.* Города-государства майя. М., 1979. С. 222–224,228–229,251.

[31] *Гуляев В. И.* Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М., 1972. С. 133,138.

[32] История Древнего Востока. Ч. 1. М., 1983. С. 241.

[33] *Дьяконов И. М.* Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 219.

[34] История Древнего Востока. Ч. 1. М., 1983. С. 260.

[35] *Дьяконов И. М.* Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 251.

[36] История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004. С. 372.

[37] История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004. С. 499–500.

их социальная роль и материальное положение были несопоставимы. При III династии Ура, например, на содержание главного жреца храма Нанше в Лагаше выделялось 36 га, на каждого надзирателя рабочего отряда – 15, на рядовых работников – менее 2,5 га на 300 человек. Жрецы в это время находились полностью на положении чиновников.[38] Ниже стояли мелкие чиновники и писцы. Царская администрация комплектовалась во многом за счет лиц, не принадлежащих к общинам – *мушкенумов*, которые получали жалованье или землю непосредственно от царя (при III династии Ура *мушкенумами* были только царские служащие низших категорий, т. к. высшие и средние тоже могли владеть участками общинной земли и фактически относились к общинникам-*авиллумам*[39]). И в Вавилонии, и в Ассирии чиновники, вплоть до мелких, получали либо служебные наделы земли, либо жалованье.[40]

Профессиональные писцы представляли собой весьма важную социальную группу во всех государствах Двуречья. Для их подготовки существовали специальные школы, большинство выпускников которых становилось чиновниками при дворе царей, храмах и реже у богатых людей, были и нигде не служившие, преподававшие или занимавшиеся научной работой. В Шумере около 70 % писцов служило в аппарате, 20 – у частных лиц и 10 – врачами, жрецами и т. д. Они могли занимать высокие должности наместников городов, судей и др. В Вавилонии существовали следующие категории писцов: 1) писцы-переводчики (сепиру), 2) царские или государственные писцы, 3) храмовые писцы, 4) писцы на службе частных лиц для составления контрактов. Хотя профессия писца и считалась престижной, жизненный уровень основной массы писцов не был выше рядового населения.[41]

Купечество всегда играло в древнемесопотамских обществах значительную роль. В условиях, когда знать не выделялась юридически в особое сословие, они фактически были ее частью, причем царская власть, стремившаяся умалить значение родовой аристократии, к ним обычно благоволила (купцы шумеро-аккадских факторий рассматривали Саргона как покровителя и защитника[42]). В Ассирии в ранний период именно купеческие роды играли ведущую роль, лишь позже вынужденные делить ее со служилой военной знатью. Хотя формы организации купеческой корпорации не везде были одинаковы. Например, при III династии Ура торговля была подчинена государству, и торговые агенты стали государственными служащими, фактически войдя в состав чиновничества.[43] В Нововавилонском царстве торговля лишь частично оставалась в руках профессиональных купцов – *тамкаров*, теперь торговлей могли заниматься любые частные лица (существовали могущественные предпринимательские дома, наиболее древний – Эгиби функционировал еще с 715 г. до н. э. и продолжал свою деятельность при персах в VI–V вв.).[44]

Таким образом, для всех оседлых семитских обществ Месопотамии было характерно выделение 3–4 элитных групп: «знати» (куда входили высшие чиновники, военачальники, жрецы), низшие чиновники и писцы, купечество, при том, что сословно все они не выделялись, а относились к группам полноправных общинников или мушкенумов. Характерной чертой было отсутствие здесь родовой аристократии, уже на самых ранних этапах устраненной из социальной структуры, что не в последнюю очередь было связано с деспотическим характером и заметной степенью бюрократизации месопотамской государственности. Однако в ряде

---

[38] История Древнего Востока. Ч. 1. М., 1983. С. 272,276.

[39] Там же. С. 374.

[40] *Клengель-Брандт Э.* Путешествие в древний Вавилон. М., 1979. С. 139; История древнего мира. Кн. 2. Расцвет древних обществ. М., 1882. С. 43.

[41] *Дандамаев М. А.* Вавилонские писцы. М., 1983. С. 59,171,176.

[42] *Дьяконов И. М.* Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. Шумер. М., 1959. С. 222.

[43] История Древнего Востока. Ч. 1. М., 1983. С. 377.

[44] История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004. С. 502–503.

других государств древнего Ближнего Востока, с иной этнической основой, ситуация могла заметно отличаться, и иерархия элитных групп типологически близка к «феодальной».

В хурритской Аррапхе господствующий слой, пришедший к власти в результате завоевания, использовал деревни как объект ответственности и дарения. Власть над деревнями принадлежала узкому слою элиты, прежде всего членам царских семей разных хурритских государств. Ниже их стоял гораздо более многочисленный слой военных, обрабатывавших сами полученные ими участки. Продажей продовольствия ведали купцы, упоминаемые среди «рабов дворца», которые, помимо своих обязательств перед дворцом, вели дела и в интересах частных лиц.[45] Слой писцов, без которого не могло обходиться ни одно древневосточное общество, был там представлен (при неграмотности местного населения) нашедшими приют после касситского завоевания вавилонскими писцовыми династиями (пример одной из таких династий – потомки Апил-Сина, имевшего 8 сыновей, 20 внуков, 24 правнука и 8 праправнуков – все писцы).[46]

В Урарту аристократия была представлена многочисленным царским кланом (существовали целые поселения из родичей царя), а военная и служилая знать, из которой комплектовались такие «аристократические» рода войск, как колесничие и всадники, восходила, вероятно, к местным знатным родам различных племен. Среди царских людей выделялась высшая группа *мари* – аналог *марианна* у хурритов, а основную массу населения составляли *шуреле*, несшие воинскую и другие повинности и жившие общинами.[47]

В Хеттском царстве с самого возникновения единого государства определяющую роль играла аристократия; среди нескольких знатных родов выделялся «великий род», из которого выходили цари и высшие чиновники. Остальные аристократы сочетали обязанности воинов с административными во дворце («воины и слуги царя»). Они входили в *панкус*, который прежде всего был судебной инстанцией, и члены его были подсудны только самому этому органу (на суд его теоретически мог быть призван даже царь). Члены аристократических семей были связаны с царем клятвой верности и получали за заслуги земельные владения, как при феодализме. Даже с исчезновением *панкуса* (между 1 500 и 1 400 гг. до н. э.) аристократия осталась особо выделенной социальной группой (именно она поставляла колесницы, основную силу хеттского войска). Более того, круг «баронов» (возможно – из-за легких колесниц) пришлось расширить, кроме того, круг местных правителей был расширен за счет вассальных правителей завоеванных территорий, положение которых закреплялось подробными договорами.[48]

Такой социальный строй свойствен в основном тем обществам, которые были созданы индоевропейскими этносами или с заметным влиянием последнего (в т. ч. хурритским). Впрочем, отдельные элементы «феодализма» прослеживаются даже в Эламе, где чиновники получали из дворцового фонда надельные земли (впервые в Древней Передней Азии их дают крупным сановникам с выдачей иммунитета от царских поборов), а в конце XVI в. до н. э. это явление встречается в царстве Приморья, позже – в касситской Вавилонии и в Сирии.[49]

Древний Египет, где централизованное государство возникло еще раньше, чем в Месопотамии, имел с ней то сходство, что здесь также отсутствовало оформленное сословное отделение элитных групп от рядовых общинников. Однако разница между фактическим положением знати (а также таких привилегированных групп как жречество и писцы) и рядовых общинников была огромной, и эти группы профессионально были четко очерчены и отграничены от

---

[45] *Вильхельм Г.* Древний народ хурриты. М., 1992. С. 78,82.

[46] История Древнего Востока. Ч. 2. М., 1988. С. 73–74.

[47] История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004. С. 410.

[48] *Маккуин Дж. Г.* Хетты и их современники в Малой Азии. М., 1983. С. 114–116; *Герни О. Р.* Хетты. М., 1987. С. 63,65.

[49] История Древнего Востока. Ч. 1. М., 1983. С. 408,412–413.

рядового населения. Эти три основные группы – чиновная знать, жречество и писцы (позже также профессиональные воины-колесничие и купцы) и были основными элитными группами в стране.

Для Египта, в отличие от Месопотамии, было характерно существование наследственной знати, как столичной, так и провинциальной, хотя она и носила чиновный характер. При Древнем царстве наибольшее значение имела столичная знать, при Среднем царстве (когда степень централизации государства была заметно слабее) усилилось значение местной, номовой знати, которая создавала на местах целые династии. При этом, хотя многие из областных правителей имели придворные ранги, а их родичи оседали на доходных местах в столице, они редко назначались на высшие должности в столице; здесь преобладала потомственная столичная знать, унаследовавшая должности отцов так же, как они наследовались на местах. В Новое царство костяк знати составляли по-прежнему местные правители, одни из которых были ставленниками фараона, другие – преемниками своих отцов. Даже во вторую половину царства некоторые в духе Среднего царства хвалились знатностью происхождения. Положение областного правителя было очень высоким (даже начальник царского казнохранилища получил его в порядке повышения). Представители знати занимали обычно не только высшие, но и все более-менее значительные должности и часто передавали их по наследству, из них же комплектовалась верхушка жречества, которое никогда не было замкнутой группой.

Огромную роль в Египте играли писцы. При том значении, которое придавалось тут во всех сферах учету и отчету, править государством могли лишь по-настоящему грамотные люди, поэтому правящий слой страны был хорошо образован. Сыновья вельмож Древнего царства часто состояли писцами в отцовских хозяйствах; даже самые знатные чиновники не брезговали писцовыми званиями. Профессиональные писцы, которых отбирали с детства и готовили в специальных школах, образовывали престижную профессиональную корпорацию. В Новое царство появились и составили главную силу войска колесницы, и колесничие заняли в обществе положение, равное рядовому жречеству. Купцов при Древнем царстве не было, все путешествия в другие страны были государственными мероприятиями, и на рынке самого Египта невозможно обнаружить ни одной фигуры крупнее торговца-лоточника; появляются они только в период Нового царства.[50]

Для всех древних оседлых ираноязычных народов уже в древности был характерен четко выраженный сословный строй, наследовавший традицию варнового деления древних ариев. При этом к изначально существовавшим трем сословиям: жрецов, воинов и крестьян позже добавляется промежуточное между двумя высшими сословиями и простолюдинами сословие (в Иране это были писцы, которых еще при Ахеменидах во множестве выпускали писцовые школы; при дворе царя, сатрапов и в армии было много переводчиков, знавших несколько языков[51]) или дифференцируется низшее сословие (так, еще в Авесте фиксируется отделение крестьян от ремесленников[52]).

Наиболее яркий пример такого рода дает древний и раннесредневековый Иран (до арабского завоевания). Разницы в этом отношении между Ахеменидской, Парфянской и Сасанидской державами практически не было. Хотя высшим сословием формально считалось жреческое, реальная власть находилась в руках второго – «воинов и царей», и политическая система напоминала средневековый европейский феодализм (цари раздавали земельные наделы воинам и гражданским чиновникам). При этом среди сословия «воинов и царей» особо выделялась аристократия. В ахеменидскую эпоху имелось 7 ведущих персидских родов (только их пред-

[50] История Древнего Востока. Ч. 2. М., 1988. С. 355,361,412,489,490,492,494.

[51] *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 125.

[52] *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972. С. 84.

ставители могли явиться к царю без вызова). Костяком ахеменидской армии были 10 тыс. «бессмертных», из коих первая тысяча (личная гвардия царя) – из персидской знати. Все сыновья высокопоставленных перов воспитывались при дворе царя.[53] В Парфии также всегда особую роль играли могущественные роды парфянской знати (Карены, Сурены, Михраны и др.), имеющие свое войско; сохранялся и общегосударственный совет родовой знати. Имелись также царские вельможи (вазурги), мелкие владетели и полунезависимые князьки.[54]

Основную часть сословия составляли тяжеловооруженные всадники. При Ахеменидах они жили компактной массой в центре Персиды, либо при дворе, сохраняя племенное деление. Наличие дехканства – «поземельного дворянства» также было характерно и для ираноязычного населения Средней Азии (Хорасан, Согд). *Дехкане* жили в укрепленных поместьях-усадьбах – «замках» вокруг резиденций своих господ и должны были (или их дети) служить в их войске в качестве тяжеловооруженных конников-«рыцарей». Они на протяжении столетий служили в войске владевших этими территориями империй – Ахеменидов, затем Александра и его преемников, затем у греко-бактрийских царей. Их сюзеренами обычно были персидские сатрапы, но могли быть и местные властители.[55]

Строго сословным было и общество Сасанидского Ирана. Высшим здесь считалось сословие магов, жрецов зороастризма, к которому относились и лица, связанные с культом – судьи, храмовые служители и учителя. Высший разряд жрецов составляли *мобеды* во главе с мобедан-мобедом, контролировавшие духовенство в округах и провинциях. Второе сословие – воинов было внутренне структурировано и возглавлялось самим шаханшахом, затем шли царевичи, наместники областей (шахрдары) из членов династии и покоренных местных правителей, затем – *виспухры* – члены 7 древних родов, которым принадлежало наследственное право на важные должности и ведение определенной отраслью (военные дела, суд, финансы, кавалерия, вооружение армии и т. д.),[56] затем – *вазурги* или *вузурги* (главы наиболее знатных родов), занимавшие прочие руководящие посты, внизу – *азаты*, рядовые всадники-землевладельцы, из которых выделяются составлявшие ядро тяжелой кавалерии *дихканы* («главы селений»), стоявшие во главе больших селений и волостей и отвечавшие за сбор налогов. Но ниже их стояла конница из служилых людей низшего сословия, получавшая жалованье из казны, а иногда и земельные наделы. Третьим сословием (возникшим позже в V–VI вв.), были писцы (*дапиры, дабиры*), в которое входили представители ряда профессий, стоявшие выше простонародья (лекари, музыканты, переводчики, ученые). В низшее сословие входили все остальные свободные, и оно делилось на три группы – крестьяне, ремесленники, торговцы. Принадлежность к сословиям определялась статусом отца, и на переход в более высокое требовалось специальное решение царя.[57]

Сходные реалии можно наблюдать и у некоторых западных индоевропейских народов, например, у кельтов (позволяющие даже проводить прямую параллель от галлов к средневековой Франции). Галльское сословие военных людей, или всадников, напоминает рыцарей, брейры, или племенные князья, содержащие многочисленную дружину (иногда до 10 тыс.), сходны со средневековыми баронами; могущественный класс духовенства, владеющего светской властью, напоминает римское папство».[58]

---

[53] *Дандамаев М. А., Луконин В. Г.* Культура и экономика древнего Ирана. М., 1980. С. 130,186,233.

[54] История древнего мира. Кн. 2. Расцвет древних обществ. М., 1882. С. 476–477.

[55] История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. М., 2004. С. 776–779.

[56] *Пигулевская Н. В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М. – Л., 1948. С. 208–209.

[57] *Большаков О. Г.* История Халифата. Т. 1. М., 1989. С. 25–27; История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 114–115.

[58] *Успенский Ф. И.* История Византийской империи. VI–IX вв. М., 1996. С. 10.

Для ряда оседлых древних обществ было характерно конституирование жесткой социальной пирамиды в зависимости от происхождения – на аристократической основе. Именно такими были первые китайские государства. В Инь (XV–XI вв. до н. э.) и раннем Чжоу (XI–IX вв. до н. э.) объективно выделялось 3 слоя: 1) правящий привилегированный (родственники и приближенные вана, местные правители-чжухоу с родственниками и приближенными и, вероятно, главы клановых объединений цзунцзу), 2) свободные рядовые общинники – основная масса населения, 3) очень немногочисленные несвободные и бесправные. При этом высший слой в чжоуское время оформился в виде пирамиды «*ван – чжухоу – дафу – ши*», где старшие сыновья наследовали статус своих родителей, а остальные опускались на ступень ниже, пока не переходили в состав простонародья. Для каждого ранга существовал установленный набор различий в питании, жилище, обладании предметами материальной культуры, и даже в языке существовало несколько наборов слов, употреблявшихся исключительно в пределах одного ранга. Таким образом, материальное благосостояние человека предельно жестко соответствовало его социальному статусу, обусловленному происхождением.

В дальнейшем выделяются некоторые новые группы, и сословное деление становится более дробным. В IX–VIII вв. до н. э., когда при распаде государства правители сами провозглашают себя ванами и вводят титулы знатности, появляется сословие профессиональных служилых людей (*цин, дафу, ши*). Первоначально *ши* были профессиональными воинами, потомками раннечжоуских дружинников, немалое число которых сопровождало властителей уделов на новое место и помогало наладить администрацию. Позже в ряды полувоинов-получиновников стали, видимо, вливаться и потомки захудалых аристократических линий. В результате к середине I тыс. до н. э. сложился слой лиц, нередко уходивших далеко от дома. Из этой среды правители периода Чуньцю (VII–V вв. до н. э.) и особенно Чжаньго (V–III вв. до н. э.) набирали себе преданных помощников от мелких чиновников до могущественных министров.[59] Уже в период Чуньцю эта система начинает деформироваться, и регламентация атрибутов перестает соблюдаться, становятся возможными фигуры бедного аристократа и богатого выскочки.[60] В период Чуньцю-Чжаньго аристократическими считались все кланы, отпочковавшиеся от патронимии правителей царств. Такие цзуны возглавляли наследственную аристократию, занимая одновременно и высшие посты в государственном аппарате.[61] В это время в ряде царств высшие должности стали наследственными, а их обладатели возглавили т. н. «сильные дома», которые фактически сосредоточили власть в своих руках, вели войны между собой, свергали правителей и основывали собственные династии. При создании централизованных империй Цинь и Хань с III в. до н. э. иерархия элитных групп формируется на совершенно иной, служебной основе – места человека в системе чиновных рангов.

Нечто подобное можно наблюдать и в раннем корейском государстве Силла, где в соответствии с принадлежностью к аристократии *чинголь*, одной из трех групп *тупхум* или простонародью весьма детально регламентировались все черты быта: размеры и материал жилища, ткани, могущие употребляться для изготовления одежды, набор и материал изготовления утвари, повозок, конской сбруи и т. д.[62] Однако и здесь, как в Китае, аристократический строй уступил со временем место бюрократическому.

---

[59] *Васильев Л. С.* Феодальный к лан в древнем Китае. (Возникновение, расцвет, упадок) // Социальные организации в Китае. М., 1981. С. 175.

[60] Как отмечал М. В. Крюков, анализ материалов погребений VIII–VI вв. до н. э. наглядно подтверждает слова одного из деятелей того времени о том, что «живущий в смутный век может быть знатным и тем не менее бедным» (*Крюков М. В.* Социальна я мобильность и этнические процессы в древнем Китае // Четырнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М., 1983. С. 4).

[61] *Переломов Л. С.* Конфуцианство и легизм в политической истории Китая. М., 1981. С. 17.

[62] С м.: *Волков С. В.* Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М., 1987. Приложение V. С. 281–287.

В кочевых обществах Центральной и Восточной Азии, устроенных по условиям быта достаточно примитивно и не предполагающих наличия ни административного аппарата, ни тех социальных групп, которые присущи оседлым обществам (чиновничество, купечество, частные служащие и т. п.), единственным принципом, обособляющим элитный слой, выступает знатное происхождение. Здесь всегда наличествуют два сословия – знать и народ (беки и народ, «обладающие саном» и «сородичи и нар о д»),[63] а реально можно вычленить 4 группы: правящий род, аристократия (знать, беки), простолюдины (рядовые воины) и несвободные.[64]

В древнегреческом обществе прослойка знати – в основном родовые вожди и жрецы – выделяется довольно рано, на Крите уже в конце III – начале II тыс. до н. э..[65] Уже в архаической Греции в 1 500–1 200 гг. до н. э. происходит обособление некоторых профессиональных групп, в т. ч. купцов и работников умственного труда – грамотеев, счетчиков, врачей, рапсодов, художников.[66] При этом картина социальной стратификации некоторых ранних обществ напоминает древневосточные реалии. В Пилосском царстве (XVI–XIII вв. до н. э.), где организатором экономики выступал дворец, ведущую роль играла военная и жреческая знать, представленная высшими сановниками (часть государственной земли распределялась между ними на правах условного держания). Как и на Древнем Востоке, документы создавались профессиональными писцами, существовал штат среднего и мелкого чиновничества (помимо высших должностных лиц, в т. ч. военачальника-лавагета, и штата писцов во дворце, существовала территориальная администрация – начальники 16 округов и управлявшие отдельными поселениями басилеи; из дворца высылались вестники, курьеры, инспекторы и ревизоры).[67]

В Гомеровский период (XI–IX вв. до н. э.) греческое общество четко делится на аристократию (сословие родовой знати) и рядовых общинников. В Афинах в IX–VIII вв. до н. э. родовая знать именовалась эвпатридами, образовывавшими правящий слой и противопоставленными земледельцам и ремесленникам. Они были локальными династами в Аттике, а при объединении составили совет правителя, став единственными аристократами по рождению.[68] В VIII–VII вв. племенной вождь басилей уступил место коллегии должностных лиц – архонтов, а совет старейшин преобразовался в Ареопаг, пополнявшийся из отслуживших срок архонтов. Однако полисная республиканская структура, в отличие от восточных деспотий, не предполагала наличия иерархии элитных слоев, связанных с государственным аппаратом. Поэтому аристократия, лишенная подобного организующего начала (хотя в Афинах и позже многие авторитетные должности, требующие специальной подготовки, почти все военные фактически были отданы в руки аристократических семей[69]), обречена была со временем слиться с равными ей по богатству крупными землевладельцами, владельцами больших мастерских, торговых кораблей, ростовщиками. Связь между знатностью, образованием и богатством впервые стала подрываться во время Пелопоннесской войны, когда появился новый тип политика – сыновья богатых владельцев факторий, которым богатство позволило получить образование и вести политическую деятельность.[70]

---

[63] *Кляшторный С. Г.* Основные черты социальной структуры древнетюркских государств Центральной Азии (VI–X вв.) // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986. С. 219,221.

[64] *Кычанов Е. И.* Кочевые государства от гуннов до маньчжуров. М., 1997. С. 272

[65] История Древней Греции. М., 2001. С. 41.

[66] *Блаватская Т. В.* Греческое общество второго тысячелетия до новой эры и его культура. М., 1976. С. 25.

[67] *Полякова Г. Ф.* Социально-политическая структура пилосского общества. М., 1978. С. 4,264; История Древней Греции. М., 2001. С. 63–64.

[68] *Seager R.* Elitism and Democracy in Classical Athens // The Rich, the Well Born, and the Powerful; Elites and Upper Classes in History / Ed. by F. C. Jaher. Urbana—Chicago—London, 1973. P. 8.

[69] История Древней Греции. М., 2001. С. 117,179–180.

[70] *Seager R.* Elitism and Democracy in Classical Athens // The Rich, the Well Born, and the Powerful; Elites and Upper Classes in History / Ed. by F. C. Jaher. Urbana—Chicago—London, 1973. P. 11.

Процесс этот в разных полисах происходил по-разному, но в наиболее наглядной форме он имел место в Афинах, где реформа Солона 594 г. до н. э. разделила население на 4 разряда по величине дохода (500,300,200 и менее 200 мер зерна), члены 1-го (*пентакосиомедимны*) и 2-го (всадники) служили в коннице, избирались на высшие должности, 3-го (*зевгиты*) – в тяжелой пехоте, 4-го (*феты*) лишь голосовали в Народном собрании. Эта реформа знаменует замену принципа выделения элиты «по рождению» на принцип «по имущественному цензу». Торговля в греческом мире, если и не считалась, как в Спарте, занятием, позорящим гражданина, то особым уважением не пользовалась, и особой купеческой корпорации как престижного социального слоя не сложилось. В ряде мест, где имело место завоевание местного населения, победителями была создана отличная от этой система, сочетающая аристократизм управления с эгалитаризмом господствующего слоя. В Спарте в конце VII – начале VI в. до н. э. был осуществлен раздел земли (с сидящими на ней илотами) поровну между 9 тыс. спартиатов, которые превратились в замкнутое сословие профессиональных воинов-гоплитов, между которыми поддерживалось имущественное равенство (с запретом дарений, завещаний и продаж и системой мер, минимизирующих любую возможность личного обогащения). При этом в управлении решающую роль играли комплектуемые представителями знатных родов органы – Совет геронтов (из 30 человек: 2 царя и 28 пожизненных членов), и коллегия из 5 эфоров (избираемых на 1 год).[71] На Крите VII–V вв. до н. э., как и в Спарте, аборигены превратились в зависимых, приписанных к поместьям, а меньшинство свободных превратилось в господствующий слой, ниже которого стояли апетайры (неполноправные), зависимые и рабы; ранняя монархия была заменена аристократическими магистратами (функции главной магистратуры выполняла коллегия космов, выбираемых из определенных родов, образовывая привилегированные наследственные группы).[72] Нечто подобное наблюдалось и у этрусков, которые как завоеватели, подобно спартанцам, составили господствующий слой. Этрусская знать, занимающая высшие гражданские и жреческие должности, была создана по образцу тех родов, которые имелись у соседей (латинов, сабинов, умбров) и стала именоваться по топонимам местностей, где находились ее владения.[73]

В эллинистических монархиях, созданных греко-македонянами на Востоке, либо был просто сохранен традиционный аппарат, как у Птолемеев (основной территориальной единицей был ном, где имелись стратег, номарх-эконом и грамотей-писец, делившийся на районы-топ и деревни-ком с назначенными чиновниками), либо, как у Селевкидов, существовала опирающаяся на местные традиции развитая бюрократическая система чуть ниже уровнем (тоже территориально структурированная: сатрапии – епархии – гипархии). Соответственно строилась и социальная иерархия. Высший слой элиты у Птолемеев состоял из делившихся на ранги придворных чинов – лиц ближайшего окружения царя (так называемых «родственников» и «друзей), из которых назначались руководители ведомств и военачальники (у Селевкидов различались просто «друзья», «почитаемые друзья», «первые и самые почитаемые друзья»).[74] Основную массу господствующего слоя составляли греки и македоняне (в центральном правительстве ими были заняты почти все высшие должности), но в составе стоявшего ниже слоя среднего и мелкого чиновничества широко было представлено и местное население.

Древний Рим, где, как и в Греции, имело место падение роли старой родовой аристократии и установление стратификации по имущественному цензу, дает вместе с тем и пример возрождения аристократической традиции на новой основе. Римское общество в целом было

---

[71] История Древней Греции. М., 2001. С. 113,115,119–120,180–181.

[72] Кембриджская история древнего мира. Т. III. Ч. 3. Расширение греческого мира. VIII–VI века до н. э. М., 2007. С. 287,289–290.

[73] *Немировский А. И.* Этруски. От мифа к истории. М., 1983. С. 118–124.

[74] История Древней Греции. М., 2001. С. 304,308–309.

слабо структурировано в статусном отношении. В нём законодательно выделялись лишь два привилегированных (крайне незначительных численно) сословия, всё же остальное свободное население составляло плебс.[75] Чиновничество, командный состав армии, лица интеллектуального труда, купцы и владельцы производств, хотя и существовали как вполне очевидные профессиональные группы, но социальный статус их членов никак особо выделен не был (если только эти лица не принадлежали к высшим сословиям или, напротив, не были рабами или зависимыми).[76]

В раннем Риме ведущую роль играла родовая аристократия, из представителей которой первоначально состоял римский Сенат. При этом уже предпоследний царь Сервий Туллий разделил население на 6 имущественных разрядов (полный надел, 3/4,1/2,1/4, менее 1/4, безземельные), позже – в денежной форме. Из них 1-й выставлял 80 центурий тяжелой пехоты и 18 конницы, все остальные вместе – 95 легкой пехоты.[77] В V–IV вв. до н. э. изначальная родовая аристократия утрачивает свое особое положение; после изгнания царей плебеи входят в Сенат, в 415 г. была уничтожена основа аристократической замкнутости – запрет браков аристократии с простыми гражданами, в 367 г. до н. э. плебеи добились полного равенства с патрициями, им был открыт доступ ко всем должностям (за ними была закреплена половина их, плюс только им принадлежали должности народных трибунов). Но система правления осталась аристократической, ибо богатые и влиятельные плебейские семьи давно уже выделились из массы и вместе с патрицианскими пользовались сенаторскими правами. Республиканская революция утвердила господство аристократии, поскольку личные заслуги могли легче доставить влияние и почет при царской власти, чем при господстве патрициев, которые допускали в свою среду плебеев не самых способных, а таких, которые стояли во главе богатых и знатных семей. Высшее сенаторское сословие теперь комплектуется из бывших консулов и преторов (со II–I вв. до н. э. – также квесторов и эдилов, а также народных трибунов), а также кооптированных туда цензорами, раз в 5 лет производившими ревизию списка (они также могли вычеркивать недостойных); о цензе речь не шла. В самом Сенате существовало деление его членов на 3 разряда (бывшие консулы, преторы и эдилы), а остальные были лишены права участвовать в прениях.[78]

Таким образом, немедленно вслед за утверждением гражданского равенства образовалась новая аристократия. Потомки высших должностных лиц, входящие в сенатское сословие, имели право выставлять восковые изображения предков в фамильном зале у стены с родословной и носить их на похоронных процессиях, другими отличиями были золотой перстень у мужчин, отделанная серебром конская сбруя у юношей, пурпуровая обшивка на верхнем платье, золотая ладанка у мальчиков.[79] При этом слой патрициев, хотя и без существенных сословных привилегий всё еще существовал в виде замкнутой корпорации, но, не имея права принимать

---

[75] Отсутствие статусной стратификации ниже небольшого высшего слоя связано с общими принципами римского быта. Т. Моммзен отмечал: «Конечно, те общественные ступени, которые неизбежно создаются во всяком гражданском обществе возрастом, умом, образованием и богатством, оказывали свое влияние и на римское общинное устройство, но дух гражданства и политика правительства не позволяли этим различиям резко выступать наружу. Весь римский общественный быт клонился к тому, чтобы делать из граждан способных людей, стоящих на одном среднем уровне, но никак не давать хода гениальным личностям. Образование римлян не подвигалось вперед вместе с усилением могущества римской общины; а сверху его инстинктивно скорее сдерживали, нежели поощряли» (*Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. СПб., 1994. С. 248–249).

[76] История древнего мира. Кн. 2. Расцвет древних обществ. М., 1882. С. 462–463.

[77] 2-й, 3-й и 4-й разряды выставляли по 20 центурий, 5-й – 30, ремесленники и музыканты 4, пролетарии – 1; с 241–238 гг. каждый из 1–5 классов выставлял по 70 центурий; число всаднических, ремесленных и пролетарских осталось прежним. По центуриям проходило и голосование (История древнего мира. Кн. 2. Расцвет древних обществ. М., 1882. С. 437–438,464).

[78] *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. СПб., 1994. С. 217–218,237,244–245,614. При Сулле порядок комплектования Сената был изменен: цензура фактически упразднена (отнято право вычеркивать), а число квесторов увеличено до 20 ежегодно, при этом был установлен возрастной ценз и порядок: сначала надо было побыть квестором, затем претором, затем консулом (эдила разрешалось миновать); в 104 г. до н. э. Сулла также отменил выборность высших жреческих должностей и возвратил жреческим коллегиям неограниченное право кооптации (*Моммзен Т.* История Рима. Т. 2. СПб., 1994. С. 253–254).

[79] *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. СПб., 1994. С. 612.

в свой состав новые роды, всё более вымирал. При Цезаре их было не более 15–16. Цезарь (сам происходивший из этой среды) добился права пожалования в патриции и создал в противовес республиканской знати новую аристократию патрициев.[80]

Второе сословие составляли всадники. Первоначально это были лица, служившие в коннице и голосовавшие в 18 всаднических центуриях. К III в. до н. э. они утратили военный характер, и к этому сословию стали принадлежать лица, обладавшие цензом в 400 тыс. сестерциев и выше, но не автоматически, а по внесении в списки цензором. Формально они включали всё высшее общество, в т. ч. сенаторов, но незадолго до Гая Гракха сенаторы были исключены из списков всадников, хотя младшие члены сенаторских семей продолжали служить в коннице и называться всадниками. Преимущественно из них и впредь пополнялась конница в собственном смысле (18 центурий). Всадничество с этого времени стало торгово-финансовой элитой (в основном крупных банкиров), хотя значительная часть их состояла из землевладельцев. Членов сословия отличали золотое кольцо вместо обычного и особые, лучшие места на общегражданских празднествах. Сулла отменил как всаднические суды, так и их почетные места, сенаторы должны были стать единственным привилегированным сословием.[81] Но наряду с этим замкнутым всадническим сословием еще с ранних времен республики стоят граждане, обязанные нести службу на собственных лошадях и являющиеся ничем иным, как высшим цензовым классом. Они не голосуют во всаднических центуриях, но во всех прочих отношениях считают себя равными всадникам и высказывают притязания на почетные привилегии всадничества. По устройству Августа всадничество остается наследственным правом сенаторских семей, наряду с этим бывшее цензорское право возрождается как право императора и без ограничения числом, в связи с чем цензовый класс как таковой утрачивает свое название всадников.[82]

Члены сенаторского и всаднического сословий представляли собой одновременно и плутократическую элиту. В II–I в. до н. э. их благосостояние еще более возросло и 3 млн сестерций считались для сенатора умеренным, 2 млн – приличным для всадника.[83] При Октавиане имущественный ценз для сенаторов был установлен в 1 млн сестерциев, для всадников – прежний, и в рамках этих сословий произошло слияние римской и провинциальной элит. С присоединением к империи обширных территорий с развитой городской структурой сложилось сословие куриалов (в III в. декурионов) – городской верхушки, членов городских советов-курий, ответственной за сбор налогов, в IV в. оно было сделано наследственным, причем выбытие из него фактически запрещалось.[84]

Римское чиновничество не представляло собой сословия или сословной группы и состояло из очень разных по статусу лиц. Общеимперский аппарат из чиновников стал формироваться при Октавиане и окончательно сложился при Клавдии. При императоре состоял своеобразный «кабинет министров» из глав отдельных ведомств, ведавших финансами, прошениями, деловой перепиской со штатом помощников, поверенных, писцов, счетоводов. Помимо наместника из сенаторов в каждую провинцию были назначены прокураторы из всадников с задачей фиска и надзора над наместником (при Августе было 25 прокураторов, при Веспасиане – 55), в 53 г. Клавдий приравнял прокураторов к магистратам и дал им права военного командования.[85] С созданием постоянной армии (при Республике ее не было, фактически она возникает у Цезаря и официально организуется Августом) формируется и профессиональный слой офицеров – как высших и старших (легаты, префекты, трибуны), так и младших (цен-

[80] *Моммзен Т.* История Рима. Т. 3. СПб., 1995. С. 327.

[81] *Моммзен Т.* История Рима. Т. 2. СПб., 1994. С. 252.

[82] *Моммзен Т.* История Рима. Т. 1. СПб., 1994. С. 614.

[83] *Моммзен Т.* История Рима. Т. 2. СПб., 1994. С. 287.

[84] История древнего мира. Кн. 3. Упадок древних обществ. М., 1882. С. 237.

[85] Там же. С. 53,55–56,84–85.

турионы). Однако низший командный слой (центурионы, служившие почти всю жизнь) существовал еще при Республике.

К числу лиц умственного труда, в сословном отношении не выделявшихся из плебса, в Риме относились такие группы, как вилики (управляющие имениями), занимавшие весьма почетное место грамматики и риторы (преподаватели средней и высшей школы), учителя начальных школ (открывавшие их на свой страх и риск), врачи (профессия в обществе весьма невысокого престижа, в абсолютном большинстве это были греки).[86]

Византийская империя, существовавшая более тысячелетия, демонстрирует случай эволюции структуры элитных групп и радикальной смены ее в рамках одной государственности. Структура элиты ранней Византии (IV – начало VI в.) принципиально не отличалась от римской; те тенденции, которые наметились в позднеримскую эпоху, получили здесь дальнейшее развитие. Высшим сословием оставалось сенаторское, за которым следовало сословие куриалов. Ниже стояли относившиеся уже к плебсу богатые торговцы и предприниматели, а также мелкое чиновничество и интеллигенция (в низший класс плебейства входили сами обрабатывающие свою землю мелкие земельные собственники, торговцы, ремесленники, мастеровые и колоны).

Первоначальный состав Сената сложился из римских сенаторов, последовавших за Константином в его новую столицу или живших на Востоке и куриалов Византия (с 356 он получил право кооптации). Принадлежность к сенаторскому сословию уже в IV в. не была ограничена условием членства в самом Сенате и его члены были рассеяны по всей империи. Раз достигнутое звание (вир клариссимус) оставалось по наследству за потомством. Прохождение высших магистратур в столице сохранялось в силе, но того же звания достигали все сановники, отправлявшие высшие службы при императоре и пользовавшиеся титулами вир иллюстрис или вир спектабилес (с 372 г. устанавливается соответствие сенаторского достоинства и служебного ранга, когда чиновники определенного ранга получали определенную степень сенаторского достоинства; титул иллюстрия сохранял сенаторское достоинство на протяжении 4 поколений[87]), сохранялась и пожалование как милость непосредственно императором.[88] Сенаторское звание получали разные чины придворной службы в виде награды при отставке (и число таких возрастало), в IV в. ими могли стать и декурионы, с достоинством отбывшие все тяготы своего звания. Состав сенаторской аристократии на протяжении IV–VI в., хотя и пополнился новыми сенаторами, радикальных изменений не претерпел.[89]

Следующее по рангу сословие составляли куриалы (декурионы) – землевладельцы, из которых комплектовалась городская администрация. Сначала их избирали в народном собрании, но затем правительство закрепило их за их службой и возложило на них разные тяготы (они сами облагались налогами и отвечали за их сбор).[90] Принадлежность к сословию определялась происхождением от куриалов, которое распространялось на детей и внуков. Они освобождались от чрезвычайных платежей, телесных наказаний, мучительной и позорной казни и наказания, ссылки на принудработы. В IV в. они активно уходили на госслужбу, и в значительной степени из них формировалось местное чиновничество среднего звена, часть – в свободные профессии, судейские чины, значительно меньше – на военную службу и в клир. Ниже стояла плебейская верхушка – богатые торговцы и навикулярии – судовладельцы, под-

[86] *Сергеенко М. Е.* Простые люди Древней Италии. М. – Л., 1964. С. 14–41.

[87] *Лебедева Г. Е.* Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980. С. 154–155,159.

[88] *Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. 1. СПб., 1996. С. 68–70.

[89] *Чекалова А. А.* Сенаторская аристократия Константинополя поля в первой половине VI в. // Византийский временник, 33,1972. С. 25.

[90] В аналогичном положении были члены промышленных корпораций, также закрепощенные за предприятием, куда был вложен их капитал (*Кулаковский Ю. А.* История Византии. Т. 1. СПб., 1996. С. 68–70).

державающиеся государством (с точки зрения государства занятия ремеслом и торговлей были сферой деятельности плебса; торговцам, ростовщикам, менялам, ремесленникам запрещалось претендовать на сенаторское достоинство), а также низшие чиновники (фактически ими могли быть только плебеи, так как (государство прямо запрещало это куриалам, ибо за злоупотребление они могли быть подвергнуты телесным наказаниям, несовместимым со статусом куриала).[91] Между привилегированными сословиями (представлявшими высшее и среднее чиновничество) и лицами физического труда в середине VI в. выделяются также такие группы, как «техники» (представители наук и искусств) и «театральное сословие» (артисты, музыканты, плясуны, возницы).[92] Сословия воинов-землевладельцев в ранней Византии не существовало (за исключением присоединенных в конце VI в. областей Армении), но были профессиональные военные, составлявшие ядро армии.[93]

С конца VI в. происходит постепенная деградация византийской элиты,[94] а характер и состав элиты средневековой Византии (после арабского завоевания, превратившего ее из наследницы Римской империи в среднее европейское государство) радикально меняется. Если в ранневизантийский период сенаторская аристократия сохраняла преемственность в своей среде, то стабильной наследственной служилой аристократии ранняя Византия (в отличие от X–XI вв.) не знала (чаще всего это новые люди в каждый определенный период). Если ранневизантийская элита носила «городской» характер, то новый господствующий слой формировался преимущественно из иной, не городской среды. В VII–VIII вв. старая сенаторская аристократия сошла со сцены, и преемственность между ней и знатью средневековой Византии была невелика.[95]

Высшим сословием в средневековой Византии было служилое сословие, распределенное по степеням и рангам, заполнявшее центральную гражданскую и провинциальную администрацию, а также представленное командным составом армии. Службой приобреталось патрикианское достоинство, ибо высшие военные чины и звание евнуха в придворной соединялись с патрикиатом.[96] Аристократии как закрытого сословия Византия не знала, но наличествовало понятие знатности. Принадлежность к знати в общественном мнении определяли три фактора: происхождение, чиновность и богатство. Служилый слой состоял из двух частей, различавшихся в генетическом и социальном плане: если гражданская происходила преимущественно из Константинополя, приморских городов Малой Азии, из Греции и с островов, то военная – из внутренних областей Малой Азии, Армении и Приевфратья, из Македонии, с большой долей негреков (кавказцы, славяне, норманны, арабы, турки и т. п.). Военная знать была в основном представлена провинциальной землевладельческой средой и была в наследственном отношении более стабильна, чем занятая на гражданской службе. При Комнинах старые аристократические семьи сходят со сцены, их заменяют новые семьи более скромного происхождения. Типичным представителем знати XII в. является «рыцарь»-прониар, принадлежавший к низ-

---

[91] *Лебедева Г. Е.* Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980. С. 124–126,131,136–137.

[92] *Пигулевская Н. В.* Византия и Иран на рубеже VI и VII веков. М. – Л., 1948. С. 114–121.

[93] *Большаков О. Г.* История Халифата. Т. 1. М., 1989. С. 17.

[94] Ф. И. Успенский писал: «После смерти Юстиниана долго не видим талантливых людей, аристократия почти вся вымерла или погибла, и администрация стала пополняться людьми без образования, без подготовки и, наконец, без понятий о долге и чести. Даже на престол вступают люди, ничем до того неизвестные и не приносившие с собой никаких традиций. Нужно было пройти долгому периоду, пока народились новые люди» (*Успенский Ф. И.* История Византийской империи. VI–IX вв. М., 1996. С. 378).

[95] *Лебедева Г. Е.* Социальная структура ранневизантийского общества. Л., 1980. С. 150–151.

[96] В ранневизантийский период карьера заканчивалась внесением служилого чина в сенаторские списки, когда же Сенат был уничтожен и стал императорским советом, то звание сенатора оставалось почетным и давалось в награду за службу, но все ли сенаторы были патрикиями, или каждый патрикий – сенатором, трудно сказать. При этом крупное землевладение не было исключительным достоянием служилого сословия, но и частных лиц (*Успенский Ф. И.* История Византийской империи. Период Македонской династии (867–1057). М., 1997. С. 486).

шей или средней прослойке «джентри».[97] Пронии выдавались пожизненно с обязательством службы типа бенефиция. Ее существенным компонентом было пожалование вещных прав на землю, отличавшим от восточных икта, джагиров, тимаров, которые юридически были пожалованием; другим видом была служилая вотчина, аналогичная феоду, но по юридическому статусу от него отличавшаяся тем, что не признавалось верховное право собственности на нее государя.[98]

[97] *Каждан А. П.* Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974. С. 4–8,14.

[98] История Византии. Т. 3. М., 1967. С. 98–99.

Европейские общества

Элита традиционных европейских обществ изначально сводима фактически к трем группам – дворянству, духовенству и предпринимателям (купцам), две первых из которых оформлены как привилегированные сословия. До того, как (довольно поздно – фактически в XVII–XVIII вв., когда складывается регулярный государственный аппарат) появляются стоящие вне высшего сословия офицерство, чиновничество и другие социальные группы представителей умственного труда, все их функции выполнялись членами служилого и духовного сословий.

Первенствующее место в Европе всегда принадлежало служилому сословию – дворянству, возникшему на основе военной службы. В VIII–X вв. во всех основных европейских странах проводятся военные реформы, в ходе которых возникает тяжеловооруженная рыцарская конница, состоящая из лиц, могущих служить на коне (остальные переходят в податное сословие). Во Франции – в первой половине VIII в. с бенефициальной реформы Карла Мартелла (755 г. в смотре на «мартовских полях» впервые участвуют рыцари; со времени Карла Великого лично служат только владельцы 3–4 средних наделов, а остальные выставляют за общий счет 1 воина), в Англии – при Альфреде Великом (871–900), в Германии – при Генрихе I (919–936)

Дворянство имело ряд судебных (неподсудность низшим судам, неприменение позорящих наказаний) и престижно-статусных (право ношения оружия, охоты, особой одежды, герб и т. п.) привилегий. В большинстве стран (за исключением Англии и Шотландии) дворянство пользовалось и налоговым иммунитетом (во всяком случае, от личных податей), хотя обычно платило существенно большие штрафы. За ним сохранялась монополия на занятие ряда должностей (во Франции, в частности, на все придворные и военные, в Англии – мировых судей и шерифов графств и т. д.). В ряде стран оно имело исключительное право на владение населенными имениями.

Во многих странах дворянство делилось на ряд исторически сложившихся групп как по иерархическому, так и по иным критериям (во Франции, например, где состав дворянства, за исключением титулованной знати, был иерархически достаточно однородным, существовало различие между дворянством «природным» и аноблированным, «дворянством шпаги» и «дворянством мантии»). В Англии в состав дворянства входили титулованная аристократия (пэры), рыцари, эсквайры (потомки рыцарей и старшие сыновья младших сыновей пэров), джентльмены,[99] в Шотландии – лорды (пэры), лэрды и все члены знатных кланов, в Германии (Священной Римской империи) – князья (правители фактически независимых государств), графы и бароны, имперские рыцари (вассалы непосредственно императора), прочие рыцари (вассалы князей) и министериалы (легковооруженные всадники) из оброчного населения, служившие за бенефиции бессрочно (в XIV в. они практически слились с рыцарями[100]), в Испании – гранды, титулованная аристократия, «сеньоры вассалов» (нетитулованные владельцы сеньорий), идальго, кабальеро,[101] в Португалии насчитывалось 8 категорий фидалгу: фидалгу высшего статуса (родственники короля и гранды с замками), фидалгу de solar, родовитые фидалгу, знатные фидалгу, фидалгу Королевского Дома, фидалгу principais, фидалгу гербовой котты (имеющие не менее 4 дворянских предков), мелкие фидалгу.[102]

---

[99] *Дмитриева О. В.* Английское дворянство в XVI – начале XVII в.: границы сословия // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С. 14–25.

[100] *Прокопьев В. П.* Армия и государство в истории Германии X–XX вв. Л., 1982. С. 23.

[101] *Ведюшкин В. А.* Идальго и кабальеро: испанское дворянство в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С. 103.

[102] *Черных А. П.* Роль герба в обозначении сословных границ в португальском обществе XVI в. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С. 141.

В странах Восточной Европы (Польша, Чехия, Венгрия) служилый слой четко делился на высшую страту (магнаты, панство, «бароны») и рядовое дворянство. В России к XVII в. насчитывалось восемь основных званий служилых людей «по отечеству» (боярин, окольничий, думный дворянин, стольник, стряпчий, дворянин московский, жилец, сын боярский), составлявших в совокупности сословие, четко отграниченное от служилых людей по прибору (стрельцов, пушкарей, городовых казаков и др.). В Сербии XIII–XV вв. дворянство было представлено «властелями» (высшая знать и главные сановники королевского двора) и «войниками» (первые платили штраф 180 перперов, вторые – 60, тогда как всё прочее население, «убогие» – 16–20; однако с конца XIII в. в силу повышения роли среднего и мелкого дворянства термин «властелин» устанавливается как общее наименование всех светских феодалов. [103] В Дунайских княжествах (Молдавия и Валахия) в состав высшего сословия входили бояре (3 категорий; по должностному принципу), ниже которых стояли наследственные категории нямуров (потомки бояр 1-й и 2-й категорий), мазылы (потомки бояр 3-й категории) и рупташи (возможно, из духовенства, потерявшего свои приходы; последние две категории составляли местную стражу, платили годовой налог, но освобождались от других налогов и повинностей, имели право на слуг и батраков.[104]

Несмотря на иногда довольно значительное число иерархических групп внутри дворянства и их разнообразие по странам, структура служилого сословия во всех европейских странах от Испании до России принципиально сходна и представляет собой следующую картину.

Верхний слой дворянства везде представлен весьма узким слоем высшей знати – аристократией; как правило, это члены родов, имеющих наследственные титулы, которых в большинстве европейских стран традиционно существовало пять: герцог (первоначально означал племенного вождя), а также равные ему принц или князь, маркиз (от правителя марки – особо важного пограничного графства), граф (от должности правителя области – графства, на которые делились раннесредневековые государства), виконт («вице-граф») и барон. В центральной Европе (Германии и Венгрии) эта схема упрощалась до трехчленной (герцог – граф – барон), в Литовском и Русском государствах этот слой был представлен князьями (потомками Рюриковичей и Гедеминовичей). В Чехии это было панство (образовывавшее особое сословие в отличие от рядовых рыцарей), в Сербии – «властели», в Дунайских княжествах – бояре. В Польше всё дворянство было формально равно и титулы (кроме пожалованных иностранными государями) не употреблялись, но соответствующая социальная ниша была представлена магнатами, резко отличавшимися от дворянской массы своей политической ролью и благосостоянием.

Численность этой группы была весьма невелика, насчитывая в средние века, как правило, несколько десятков семей. В Англии, в частности, в конце XV в. титулованных родов (все они были пэрами – членами Палаты лордов) насчитывалось 57, в начале XVI в. – 44, в 1509–1553 гг. к ним добавилось еще 47, к концу того же столетия – 61[105] (с 1487 по 1641 г. численность пэров выросла с 57 до 121 человека,[106] к середине XVII в. – до 160[107]), к 1704 г. их было 161. Лишь позже число их резко выросло: к 1784 г. их стало 182,[108] к 1830 –304, к 1896–502.[109] В

---

[103] *Наумов Е. П.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII–XV вв. М., 1975. С. 58–60,306.

[104] *Гросул В. Я.* Классы и сословия Дунайских княжеств в первой половине XIX в. // Социальная структура общества в XIX в. М., 1982. С. 220,226–227.

[105] *Дмитриева О. В.* Английское дворянство в XVI – начале XVII в.: границы сословия // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С. 16–18.

[106] Численность пэров (без женщин на своем праве, детей короля и старших сыновей, заседавших в Палате лордов вместе с отцом) на конец года:(Stone L. The Crisis of the Aristocracy, 1558–1641. L., 1965. P. 758).

[107] *Stone L.* Social Mobility in England, 1500–1700 // Past and Present, 33 (Apr. 1966). P. 24.

[108] The European Nobility in the Eighteenth Century / Ed. by A. Goodwin. L., 1953. P. 1 7.

[109] *Arnstein W. L.* The Survival of the Victorian Aristocracy // The Rich, the Well Born, and the Powerful; Elites and Upper Classes in History / Ed. by F. C. Jaher. Urbana—Chicago—London, 1973. P. 203.

Шотландии до 1587 г. имелось 49 титулованных родов, к 1625–92, к 1707–154.[110] В Испании высший слой дворянства – гранды и иная титулованная знать – был крайне немногочислен и насчитывал в конце XVI в. около 100 семей – не более 0,3 % всего дворянства,[111] даже к 1789 г. здесь насчитывалось 119 грандов и 335 других титулованных лиц,[112] но в XIX в. число их сильно выросло за счет новых пожалований (400 только за 30–60-е гг.[113]). В Венгрии в XVI–XVII вв. имелось 60–70 магнатских семей,[114] в Литве к 1528 г. – около 80 княжеских[115] и т. д. В России число думных (бояре, окольничие, думные дворяне и дьяки) и высших дворцовых чинов составляло в XV – начале XVII в. 30–40 человек, к середине XVII в. увеличившись до 60–70, а к концу – до 182 человек; наиболее знатных княжеских и боярских родов, из которых они комплектовались, в XV в. насчитывалось 20, в середине XVI в. – 67, в XVII в. – 57[116] (всего же с XV до начала XVIII в. в этих чинах перебывали представители 206 родов).

Лишь в крупнейших по населению странах – во Франции, Италии и Германии этот слой имел несколько большую численность, особенно в Италии, где титулы раздавались весьма щедро (например, в Неаполитанском королевстве с 1590 по 1675 г. число княжеских родов возросло с 21 до 118, герцогских – с 26 до 138, маркизских – с 45 до 161).[117] Но и во Франции при наличии нескольких сот титулованных родов самая высшая страта насчитывала лишь несколько десятков человек. При прямых Капетингах пэрами были лишь 6 светских (герцоги Нормандии, Бургундии, Аквитании, графы Шампани, Фландрии и Тулузы) и 6 духовных лиц; к 1717 г. в нее входили 12 принцев, 63 герцога (из них 53 пэра), 11 маршалов Франции и 5 кардиналов.[118] В Пруссии к концу XVIII в. упадок части дворянства и желание наиболее успешных отгородиться от претендующих на один уровень с ними низших привели к стремлению получить титул графа и барона, в результате чего в Бранденбурге уже к 1800 г. 1/6 часть всех дворян-землевладельцев имела титулы.[119]

Ниже стоял слой, промежуточный между аристократией и рядовым дворянством, обычно насчитывающий несколько сот семей. Во Франции, например, это были шателены и обладатели высоких должностей (не принадлежащие к титулованной знати). В Англии – рыцари (к 1490 г. их насчитывалось 375, к 1558 – около 600 семей[120]), баронеты и часть сквайров (в больших графствах их было 20–25 семей, всего в стране около 500, и именно эта группа контролировала сельскую политику (в 1522 г. только 1 из 10 деревень имела живущего там сквайра, к 1680 г. – 2/3), поставляла членов парламента и доминировала в юстиции).[121] В первой четверти XVI в. в различных графствах рыцарей могло насчитываться от 1 до 12 человек, эсквайров – от 13

---

[110] *Федосов Д. Г.* Лорды и лэрды: шотландское дворянство в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С. 43,49.

[111] *Ведюшкин В. А.* Идальго и кабальеро: испанское дворянство в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С. 103.

[112] *Пискорский В. К.* История Испании и Португалии. М., 2011. С. 210.

[113] История Испании. Т. 2. М., 2014. С. 366.

[114] *Гусарова Т. П.* Дворянство Венгрии в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С. 173.

[115] *Бычкова М. Е.* Формирование правящего класса Великого княжества Литовского в XVI веке // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С. 223.

[116] *Сергеевич В. И.* Русские юридические древности. СПб., 1900. Т. I. С. 389–397. Т. II. С. 440.

[117] *Ролова А. Д.* Дворянство Италии конца XV – середины XVII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С. 99.

[118] *Ford F.* Robe and Sword: The regrouping of the French Aristocracy after Louis XIV. New York, 1965. P. 68,174–175.

[119] *Rosenberg H.* Bureaucracy, Aristocracy and Autocracy: The Prussian Experiens, 1660–1815. Cambridge, Mass., 1958. P. 147.

[120] *Дмитриева О. В.* Английское дворянство в XVI – начале XVII в.: границы сословия // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С. 21.

[121] *Stone L.* The Crisis of the Aristocracy, 1558–1641. L., 1967. P. 28,52.

до 27, джентльменов – от 39 до 75. При этом средний годовой доход рыцарей составлял тогда 204 фунта, эсквайров – 80, джентльмена – 16.[122]

То же касается и Шотландии, где рыцари и баронеты (с 1611 г.) – с доходом не менее 1 тыс. фунтов, насчитывали до начала XVIII в. несколько сот семей.[123] В Испании к этому слою относились «сеньоры вассалов» (к XVI в. 254 человек[124]) и кабальеро – члены рыцарских орденов, прошедшие посвящение в рыцари и непосредственные вассалы короля, в Португалии – фидалгу 2-й – 6-й категорий, в Германии – имперские рыцари, в Венгрии владетельные семьи, имеющие 100 и более средних наделов, в Литве – «паны хоругвные», на Руси – чины Государева двора (стольники, стряпчие и дворяне московские, жильцы, а до начала 1630-х гг. – и выборные дворяне), которых (без выборных дворян) насчитывалось к середине XVI в. около 140 человек, к концу XVI в. – 470–500 человек, в начале XVII в. – около 550, в середине этого столетия – более 3,7 тыс., а к концу – 6,9 тысяч.[125]

Затем – рядовое дворянство, насчитывавшее от нескольких тысяч до десятков тысяч семей (в Англии – рядовые эсквайры и джентльмены, в Шотландии – лэрды, в Испании – идальго и рядовые кабальеро, в Венгрии – куриалисты, владельцы мелких и средних поместий 50–300 га, в Дунайских княжествах – нямуры, в России – городовые дворяне и дети боярские). Значение рядового дворянства могло быть в отдельные периоды довольно велико. В первой половине XVI в. в Англии рядовое дворянство владело в графствах 55–58 % светских и 36–38 % всех земель, тогда как пэры – только 6 и 4 % соответственно.[126] В Пруссии в середине XVII в. так называемые юнкеры были признаны единственной социальной группой, имеющей право владеть имениями, а сами имения преобразованы из фьефов (выдававшихся за службу), в аллоды на правах полной собственности.[127]

Наконец, во многих странах существовал и низший слой служилых людей (обычно лично обрабатывавших свою землю). К ним в Англии, в частности, относились младшие сыновья, не имеющие прав на наследство, в Шотландии – боннэт-лэрды, в Испании – эскудеро (потомки оруженосцев), во Франции – прослойка сыновей рыцарей, не получивших этого звания (в XIII в. по статусам Фрежюса, изданным графом Прованса такие лишались привилегий, не пройдя посвящение до 30 лет[128]), в Португалии – мелкие фидалгу (без права на герб и титул «дон»), в Венгрии – армалисты (не имевшие дворянской земли) и жители населенных пунктов, имеющих «коллективное дворянство», в Польше – так называемая «застянковая шляхта» и т. п. В Дунайских княжествах это были мазылы и рупташи (по присоединении к России они были записаны в однодворцы).

Духовенство традиционно представляло собой сословие наиболее сплоченное, чему способствовало наличие единой иерархической организации – если не в международном масштабе, то, по крайней мере (православные церкви и часть протестантских), в пределах государственных границ. Его внутренняя структура, в общем, схожа со структурой служилого сословия: епископат, промежуточная группа в лице настоятелей монастырей и благочинных, рядовое приходское духовенство, дьяконы и низшие церковнослужители. Объективно уступая по политическому значению дворянству, духовенство, в католических странах считалось, тем

---

[122] *Cornwall J.* The Early Tudor Gentry // Econ. Hist. Rev. 2nd ser., XVII (1964–65). P. 464.

[123] *Федосов Д. Г.* Лорды и лэрды: шотландское дворянство в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С. 43–44.

[124] *Ведюшкин В. А.* Идальго и кабальеро: испанское дворянство в XVI–XVII вв. // Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С. 103.

[125] Правящая элита Русского государства IX – начала XVIII вв. Очерки истории. СПб., 2006. С. 198,324,328,330,339,408,479; *Павлов А. П.* Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове. СПб., 1992. С. 109–125.

[126] *Cornwall J.* The Early Tudor Gentry // Econ. Hist. Rev. 2nd ser., XVII (1964–65). P. 461.

[127] *Craig G. A.* The Politics of the Prussian Army. New York, 1964. P. 4.

[128] *Хачатурян Н. А.* Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М., 1 9 89. С. 3 8 –39.

не менее «первым» сословием и обладало часто более значительными привилегиями. Если духовная элита и в последние два-три столетия существования традиционного общества остается практически в неизменном виде, то властная эволюционирует от нерасчлененности к разделению на военную и гражданскую, причем последняя постепенно становится численно и политически преобладающей.

Купечество представляло собой элитную группу городского населения. Статусно оно везде стояло ниже дворянства и духовенства, и обычно тоже имело иерархическую структуру. Помимо естественной разницы в объеме средств и масштабах операций в его составе могли официально выделяться относительно небольшие по числу членов привилегированные корпорации. Несмотря на то, что в социально-психологическом плане купцы дальше, чем духовенство, чиновники и лица свободных профессий, отстояли от дворянства, в ряде стран, в частности, в Англии, наиболее успешные из них стояли на уровне рядового и даже среднего дворянства, а высшие аноблировались и пополняли его состав. В XVI в. при Елизавете, численность крупного купечества составляла более 1 000, из которых выделялась группа в несколько десятков человек, тесно связанная родственными связями и возглавляемая 15 виднейшими семьями, члены которой были мэрами, олдерменами и советниками городского управления Лондона и впоследствии аноблировались (порядка 20 % их посещали университеты).[129] В России с XVI в. до 1728 г. особые корпорации составляли «гости» (имевшие право внешней торговли и право владения вотчинами) и гостиная сотня. Гостей единовременно насчитывалось 30–60 человек, членов гостиной сотни – втрое больше (а в начале XVIII в. даже более 900 человек).[130] В 1721 г. по размеру податного ценза купечество было разделено на две, а с 1775 – на три гильдии; Жалованная грамота 1785 г. закрепила его привилегированное положение и по ряду статусных черт приравняла к неслужащему дворянству.

Начиная с конца XVI столетия в Европе появляются элитные социальные группы, выходящие за рамки традиционных сословий и, хотя комплектуемые преимущественно из их членов, по своему составу лишь частично совпадающие с ними (офицерство, чиновничество, лица свободных профессий, негосударственные служащие). Они обязаны своим возникновением как формированию государственного аппарата и регулярной армии, так и развитию промышленности и торговли, потребовавшего увеличения организаторских функций.

В Англии, хотя и в начале XVI в. довольно большой процент дворян – от 20 до 76 % в разных графствах исполняли публичные обязанности (мировых судей, комиссионеров субсидий) или занимали официальные должности,[131] юристы и чиновники уже в XVI–XVII вв. образовывали наряду с дворянством, духовенством и купечеством особые социальные группы, часть членов которых вышла из более низких, чем эти, слоев. В общей сложности около 1 тыс. семей имели в то время доход выше 1 тыс. фунтов в год (в 100 раз больше рабочего).[132] Особенно важное значение имела эта прослойка во Франции, где она частично была инкорпорирована в состав дворянства, составляя, однако, его специфическую часть («дворянство мантии» в отличие от «дворянства шпаги»). Причем в имущественном отношении эта категория стояла значительно выше основной массы дворянства. При учреждении в 1695 г. единовременного поголовного налога, когда всё население было разделено на 22 класса, ее представители фигурировали во всех высших 14 классах (плативших от 2 000 до 100 ливров), причем 4–6-й (500–300 ливров) и 8–9-й (200–150 ливров) классы были представлены только ими, и даже низшие муниципальные и коронные чиновники составляли с 11 по 14-й классы, тогда как маркизы,

---

[129] *Foster F. F.* Politics and Communities in Elizabethan London // The Rich, the Well Born, and the Powerful; Elites and Upper Classes in History / Ed. by F. C. Jaher. Urbana—Chicago—London, 1973. P. 115–117,133–136.

[130] *Голикова Н. Б.* Привилегированные купеческие корпорации России XVI – первой четверти XVIII в. М., 1998. С. 55,149–150,220,222,381,443.

[131] *Cornwall J.* The Early Tudor Gentry // Econ. Hist. Rev. 2nd ser., XVII (1964–65). P. 468.

[132] *Stone L.* Social Mobility in England, 1500–1700 // Past and Present, 33 (Apr. 1966). P. 22.

графы, виконты и бароны, т. е. вся титулованная аристократия, кроме принцев крови и герцогов (которые вместе с министрами и маршалами Франции составили 1–2 классы), была отнесена лишь к 7 классу (250 ливров), высший слой сельского дворянства – к 10-му (120 ливров), прочие владельцы замков и фьефов – к 15-му (40 ливров; т. е. шли после низших чиновников), а рядовые дворяне без замков и фьефов – к 19-му (6 ливров – вместе с ремесленниками и лавочниками). В 1715–1748 гг. помимо министерств и провинциальных интендантов в стране имелось более 30 парламентов, палат счетов и иных учреждений.[133]

В XVIII–XIX вв. чиновничество и офицерство превратились в заметные социальные группы, численность которых в крупных странах составляла десятки тысяч человек, близко к ним стояли лица свободных профессий и негосударственные служащие, которые примерно в той же мере были выходцами из дворянства, духовенства и буржуазии. Со временем совокупность лиц, принадлежащих к этим группам, стала образовывать некоторое единство, ранжируясь скорее по уровню (положение, благосостояние), чем по роду деятельности, что нашло отражение и в общественном мнении. В Австрии, например, в середине XIX появилось новое выражение для определения интеллигенции и буржуазии, отражающее их сближение: «bezitz und bildung» («собственность плюс образование»).[134] В России сближение элитных групп нашло выражение как в распространении на духовенство награждения орденами с приобретением потомственного дворянства, так и в учреждении в 1832 г. нового сословия почетных граждан (не плативших прямых налогов, свободного от рекрутской повинности и телесных наказаний), объединившего купцов 1-й и 2-й гильдии и их детей, детей личных дворян и священников, а также артистов, художников, ученых и всех выпускников высших учебных заведений.[135]

К концу XIX в. обладание определенным уровнем образования (по крайней мере, резко отличающего его обладателя от основной массы простого населения) становится практически обязательным как для членов высшего сословия (которое почти целиком растворяется в новых элитных группах) и традиционно обладающего им духовенства, так и для предпринимательских кругов. Практически элитой общества становится сложившийся образованный слой, который и включает в себя все элитные группы. Он еще по всем показателям – и по происхождению, и по самосознанию, и по численности и удельному весу в обществе принципиально отличается от одноименного слоя массового общества – и главным образом тем, что действительно представляет собой элиту.

Впрочем, среди образованного слоя ведущее место (и по численности, и по значению) обычно занимало чиновничество. Особенно в странах, где ранее было мало или вовсе не было национального дворянства (в частности, в Черногории, где господствующий слой состоял из духовенства и старейшин, чиновничество вышло из этих слоев[136]). Причем образование в таких странах (например, Чехословакии) еще и в начале XX в. играло первостепенную роль в карьере чиновника.[137] В Хорватии во второй половине XIX в. интеллигенция была представлена в

---

[133] *Ford F.* Robe and Sword: The regrouping of the French Aristocracy after Louis XIV. New York, 1965. P. 32–33,37.

[134] *Чепулис-Растенис Р.* Формирование интеллигенции // Социальная структура общества в XIX в. М., 1982. С. 338.

[135] Почетное гражданство, как и дворянство, делилось на потомственное и личное. К потомственному почетному гражданству по рождению причислялись дети личных дворян и священников, окончивших духовную семинарию или академию. На него также имели право купцы 1-й и 2-й гильдии, непрерывно состоявшие в ее составе 10 и 20 лет соответственно или награжденные орденом, их дети, а также артисты, художники, ученые. Личное почетное гражданство получали дети священников без образования (по рождению), и все выпускники высших учебных заведений (ПСЗ (II). Т. VII. № 5284. С. 193–195). Но число почетных граждан в течение нескольких десятилетий было очень невелико: к 1840 г. насчитывалось 2,4 тыс. почетных граждан, к 1850 г. – 7,2 тыс. В городском населении они составляли тогда 0,2 % и 0,4 % соответственно.

[136] *Хитрова Н. И.* Специфика социально-экономического строя Черногории в XIX в. // Социальная структура общества в XIX в. М., 1982. М., 1982. С. 198.

[137] Здесь по закону 1926 г. для начинающего чиновника было установлено 4 категории оклада, резко различающиеся в зависимости от уровня образовательного ценза: 1-я «а» предусматривала два высших образования, 1-я «б» – высшее (72 тыс. крон в год), 1-я «с» неполное (2 курса) высшее (54 тыс.), 2-я – полное среднее (39 тыс.) и 4-я – для не имеющих такового

первую очередь чиновничеством, затем духовенством и учительством.[138] Затем обычно следуют массовые интеллигентские профессии (в Словакии, например, сельская интеллигенция состояла из двух категорий: деревенские учителя и нотариусы (несколько сот человек)).[139]

(30,6 тыс.) (*Кузьмин М. Н.* К социальной характеристике школьной системы буржуазной Чехословакии // Историко-социологические исследования. М., 1970. С. 311).

[138] *Гросс М.* Общественно-экономическое развитие Хорватии во второй половине XIX в. // Социальная структура общества в XIX в. М., 1982. С. 145.

[139] *Шпис А.* Основные черты социального развития Словакии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Социальная структура общества в XIX в. М., 1982. С. 130–131.

Мусульманские общества

Под традиционными исламскими обществами имеются в виду, во-первых, Арабский халифат и созданные на его развалинах государства на Ближнем и Среднем Востоке – Саманидов (900–999), Газневидов (962–1186), Буидов (935–1055), Сельджуков (1038–1157), Хорезмшахов (1097–1231) и в Северной Африке – Фатимидов (910–1171), Айюбидов (1171–1250) и Мамлюков (1250–1517). Во-вторых, государства, созданные на той же территории в результате монгольского нашествия – Хулагуидов (1256–1353), Тимура (1370–1405), в-третьих, государства, созданные мусульманскими завоевателями на территории Индии – Делийский султанат и государство Великих Моголов и, наконец, Османская империя и Сефевидский Иран.

Структура элиты мусульманских стран из всех восточных наиболее походила на таковую европейских и включала те же самые функциональные элементы, но их сословное положение было юридически практически не оформлено. В теоретически принципиально бессословном исламском обществе, основанном на представлении о всеобщем равенстве мусульман, такое оформление и не могло иметь места. Причем принцип этот (в силу тотального влияния ислама на все стороны жизни в этих странах) проводился более последовательно, чем в «меритократических» (и по этой причине по идее также бессословных) конфуцианских обществах Дальнего Востока. При этом структура и состав элиты мусульманских стран обнаруживает между собой большее единообразие, чем европейских. Наиболее существенным отличием в структуре элиты здесь было то, что в условиях централизованных деспотий и обусловленного этим достаточно многочисленного и развитого аппарата управления на мусульманском Востоке уже с раннего средневековья существовал многочисленный слой гражданского чиновничества, тогда как в Европе до XVI в. оно находилось в зачаточном состоянии.

Начало мусульманскому миру было положено арабским завоеванием Ближнего и Среднего Востока и Северной Африки под знаменем ислама. У арабов в это время теоретически не могло существовать социальной иерархии, поскольку ислам декларировал равенство всех членов мусульманской общины – уммы. Однако уже в первой половине VII в. естественным образом не могла не выделиться мусульманская аристократия в лице родственников Мухаммеда, мухаджиров и ансаров (первых мединских мусульман), чье статусное и имущественное положение резко выделяло ее из массы рядовых воинов (разница составляла 25 раз и более), не говоря уже о побежденном местном населении.[140] Затем, уже при следующем, третьем халифе – Османе почти все должности правителей областей и военачальников оказались в руках аристократического рода Омейядов, который затем и стал правящей династией в халифате, получившим название Омейядский (661–750). Кроме того, три четверти населения халифата приходилось на завоеванные территории, где трудно было игнорировать если не статус, то имущественное положение местной элиты, тем более что часть ее перешла на сторону завоевателей. В дальнейшем халифат включил элементы как оседлые иранские с традиционно сословной структурой, так и тюркские с их родовой аристократией.

Поэтому в мусульманских странах профессиональные и иные элитные группы не могли не выделяться де-факто в административной практике. Набор их зависел от местных условий, но принципиально не отличался. Например, в государстве Фатимидов, для официальных документов характерно деление общества на воинов и эмиров, писцов и иных чиновни-

[140] Это нашло свое отражение при составлении в 640–641 гг. списков на выплату жалованья, размер которого зависел не столько от занимаемой должности, сколько от близости к пророку и времени принятия ислама. Вдовы пророка получили больше высших военачальников, а внуки – столько же, сколько участники первой битвы при Бадре – 5 000 дирхемов (участники первых походов получили по 3000, последующих – 2 000,1 000,500,300,250 и 200 дирхемов), причем жалованье (от 500 до 200 дирхемов) получали и жены мухаджиров (*Большаков О. Г.* История халифата. Т. 2. М., 1993. С. 129,147).

ков, кадиев и «даи» (исмаилитских проповедников) и прочих подданных – «райиа». Хронисты обычно выделяли военных («господ меча») и духовенство с бюрократией («господ пера»), причем последняя иногда именуется особо («господа чалмы»). Современные исследователи считают, что духовенство, бюрократия и военные, являясь довольно замкнутыми группами, по существу, представляли собой сословия, хотя это и не было закреплено правом.[141]

В Османской империи, хотя и признавалось с определенными модификациями подразделение общества на четыре сословия, на практике социальное деление сводилось к двум группам – военные (аскери), которые были освобождены от налогов и податное сословие – реайа.[142] Владельцами тимаров по закону могли быть только аскери – военные, но по сути аскери определялись не профессиональной деятельностью, а тем, что представители этой части общества не платили налогов, т. е. не относились к реайе.[143] Военное сословие аскери играло в государстве ведущую роль; в него включались не только тимариоты, но воины-крестьяне, с некоторыми ограничениями кочевники, различные группы, жившие военной добычей (сохранившиеся до XVII в.), надеявшиеся получить тимары, а также кадии и улемы, дворцовые слуги, чиновники центрального аппарата, воины, получавшие жалование от государства (типа янычар, кавалерии капыкулу и др.).[144] В турецких эмиратах запада Малой Азии к аскери помимо собственно воинов также считались принадлежащим и некоторые другие категории «обладатели султанских грамот» (освобожденные от тех же налогов) – владельцы наделов, поставляющие соколов для султанской охоты, лошадники (джанбаз), юрюки, «яя мюселлем» (конные ополченцы, занимавшие промежуточное положение между сипахи-тимариотами и пешими ополченцами-крестьянами яя).[145]

В ряде случаев под влиянием местных условий элитные группы даже конституировались в некое подобие каст, отличных по генеалогии, брачным соответствиям, социальным функциям, отношению к собственности и занятиям. Так, в Йемене к XII–XIV вв. выделялись сада (потомки Мухаммеда), машаих (землевладельцы или наследственные хранители мусульманской учености), кабаил (воины; ниже их не могли иметь оружие), карар (писцы, учителя, крупные торговцы), остальные 4 страты охватывали простолюдинов и рабов и генеалогий не имели (эти страты сохранились до конца XX в.).[146]

Надо сказать, что эгалитаристские принципы, противоречащие жизненной действительности, не держались долго даже в государствах, создаваемыми их наиболее радикальными сторонниками. Так, в государстве, созданном в Иране исмаилитами (1090–1256) правителями стали представители трех социальных групп: 1) члены рода Кийа – наследственной династии правителей, к которой принадлежали также крупнейшие военачальники, 2) «люди науки», писавшие сочинения по догматике и истории исмаилизма, вербовщики новых членов, назначавшиеся также кутвалами – правителями городов и территорий, и 3) перешедшие к исмаи-

---

[141] *Семенова Л. А.* Из истории Фатимидского Египта. М., 1974. С. 103,105.

[142] *Орешкова С. Ф.* Османский феодализм: типологические наблюдения // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 116.

[143] *Орешкова С. Ф.* Османская государственная структура: проблема жалованья и пожалований // Феномен восточного деспотизма. М., 1993. С. 266.

[144] *Орешкова С. Ф.* Османская автократия: опыт типологической характеристики // Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987. С. 192–193.

[145] *Жуков К. А.* Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988. С. 121,128.

[146] *Удалова Г. М.* Йемен в период первого османского завоевания (1538–1635). М., 1988. С. 19–20. Попытка «соцориентированного» режима с 1967 г. отменить их за 20 лет так и не удалась; экспроприировав имущество высших страт, власти не поколебали принципы брачных соответствий и декларируемых генеалогий, продолжалось физическое воспроизводство страт и передача духовных традиций (*Родионов М. А.* Можно ли отменить социальные страты? Уроки Хадрамаута // Ранние формы социальной стратификации. М., 1993. С. 322–323,325–326).

литам в целях сохранения жизни и владений тюркские и иранские феодалы и представители сельджукской администрации.[147]

Аристократия, как уже говорилось, в мусульманском мире юридически не признавалась и наследственных титулов не имела. Единственной категорией наследственной аристократии здесь были шерифы и сейиды, потомки внуков Мухаммеда, которые признавались в этом качестве даже в предельно эгалитарной Османской империи.[148] Поэтому знатные роды, если фактически и существовали, то государством полностью игнорировались. Для него существовал только один такой род – правящая династия, за пределами которого были только его «рабы», любого из которых правитель мог как вознести на вершины власти, так и уничтожить. В этих условиях существование устойчивых знатных родов или кланов (если речь не шла о племенной кочевнической знати), сохранявших свое положение в элите на протяжении столетий было крайне затруднено.

Но социальная группа, соответствующая европейской аристократии, в халифате и созданных на его обломках государствах неизменно присутствовала. Она состояла из потомков довольно многочисленных различных мелких династов, правивших на завоеванных арабами территориях (следует иметь в виду, что Халифат по размерам территории и населения был явлением уникальным и превосходил любое когда-либо известное в Европе государственное образование, да и создававшиеся затем на его территории государства, были обычно обширнее по территории и населеннее крупнейших европейских стран), крупных землевладельческих родов, возникших и составивших себе состояние на службе еще в Византии, Сасанидском Иране и других государствах, чьи территории вошли в Халифат, и тюркской племенной знати. В Аббасидском халифате (750–1258) иранская землевладельческая знать (дихканы) заняла еще более видное место, аббасидами ей был предоставлен ряд высоких постов.[149] Практически во всех государствах, созданных на обломках халифата на Ближнем и Среднем Востоке, слой, соотносимый с европейской аристократией, был представлен следующими группами: 1) члены и родственники правящей династии, 2) землевладельческая (как старинная иранская, так и арабская) знать, владевшая наследственными имениями на правах мулька, 3) знать кочевых тюркских племен. В XI–XII вв. старинная иранская знать постепенно исчезла,[150] и ее место заняли (с образованием государства Сельджуков) владельцы крупных икта из числа племенной знати.

В государстве Газневидов основная масса командного состава армии принадлежала к тюркам (преимущественно гулямского происхождения), а подавляющее большинство гражданских чиновников – из старой ираноязычной знати, причем последняя неблагожелательно и даже враждебно относилась к тюркской знати, и притязания некоторых ее представителей на гражданские должности вызывали с ее стороны насмешки и встречали отпор.[151] В государстве Сельджуков ведущую роль играла, естественно, тюркская кочевая знать: члены дома Сельджука, военачальники, эмиры, приближенные и т. д. Именно эта знать занимала командные должности в армии и при дворе. Но сохранилась и старинная, часто доисламская иранская земельная аристократия, порой – потомки небольших местных династий. Они не были близки ко двору и не играли политической роли, а пребывали в своих владениях (обычно на периферии государства), не сумев или не захотев приспособиться к завоевателям (Сельджу-

[147] *Строева Л. В.* Государство исмаилитов в Иране в X I–X III вв. М., 1978. С. 168–170.

[148] *Ацамба Ф. М.* Господствующий класс в социальной структуре египетского города (конец XVIII – начало XIX вв.) // Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987. С. 204.

[149] История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 141.

[150] Там же. С. 343.

[151] *Агаджанов С. Г.* Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М., 1991. С. 35–36.

кам и Газневидам), они враждебно относились к неродовитым с их точки зрения тюркам.[152] Хотя в Сирии, например, градоначальники (раисы) обычно принадлежали к местным знатным родам. Входили в состав высшего слоя и представители арабской знати, члены династий подчинившихся тюркам княжеств. Часто это были высокообразованные люди, сочетавшие военную службу с литературными и научными занятиями. Что касается самих тюрок, то, хотя оседлая аристократия относилась к ним с пренебрежением, их знать качественно отличалась от основной массы.[153] Важной частью элиты была тюркская военная знать с конца XII в. (после женитьбы хорезмшаха Текиша на дочери кыпчакского хана) и в государстве Хорезмшахов.[154]

В государстве Хулагуидов наряду с военно-кочевой знатью, в основном монгольской и тюркской, сохранилась и часть провинциальной оседлой земельной знати (в основном иранской), которой удалось сохранить свои владения во время монгольского нашествия, кроме того, во многих областях сохранялись вассальные наследственные владетели – местные династы. Правителями областей были либо члены правящего рода, либо представители высшей чиновной знати, часто родственники вазиров (например, 10 из 14 сыновей Рашид ад-дина).[155]

В турецких эмиратах запада Малой Азии (Ментеше, Айдын, Сарухан и Кареси) XIV–XV вв. аристократию составляли ближайшие родственники правителя (улу-бея), на местах вокруг его сыновей, назначаемых правителями областей, группировались влиятельные беи – бывшие предводители гази. Высшая знать в бейликах (так называемые «столпы государства» – аян-и девлет или эркан-и девлет) была немногочисленна, европейские наблюдатели сообщают о восьми «великих баронах» в Сарухане. Их голос был важен при выборе нового улу-бея.[156]

В Сефевидском Иране, созданном кочевыми тюркскими племенами, первое время ведущую роль играла их знать, к середине XVI в. все посты наместников областей, важные военные и придворные должности занимали представители 114 кызылбашских семей. Кроме того, к высшей знати относились покоренные местные владетели Луристана и Курдистана, ханы Гиляна, цари Картли и Кахетии. Но при Аббасе (1587–1629) тюркская знать была оттеснена, и из 114 осталось только 35 родов, а военная знать пополнилась представителями курдов и луров и особенно гулямов (преимущественно армян и грузин).[157] Правящая элита при Каджарах составляла не более 3 % господствующего слоя в государстве, в ее состав входили не более 200 семей. Фактически все высшие должностные лица породнились с Каджарами, взяв в жены сестер, дочерей, теток и других родственниц шаха или выдав своих дочерей и сестер за шаха и членов его рода.[158]

Слоем, соответствовавшим европейскому рыцарству, был слой служилых землевладельцев-воинов. Еще в халифате воинам стали давать небольшие наделы с крестьянами (катиа), которые стали передаваться по наследству. Например, в середине VII в. в округе Казвина такие наделы получили 500 арабских воинских чинов, и эти земли оставались в руках их служащих потомков еще в X в.[159] В дальнейшем распространился институт икта – прижизненного условного держания (от деревни до целых областей) с правом сбора налогов (на время занятия долж-

---

[152] *Строева Л. В.* Государство исмаилитов в Иране в X I–X III вв. М., 1978. С. 4–5.

[153] Как отмечал знаменитый арабский географ XII в. Идриси, «их князья воинственны, предусмотрительны, тверды, справедливы и отличаются превосходными качествами; народ жесток, дик, груб и невежествен» (*Семенова Л. А.* Из истории средневековой Сирии. Сельджукский период. М., 1990. С. 68,74–78).

[154] *Буниятов З. М.* Государство Хорезмшахов-Ануштегенидов. 1097–1231. М., 1986. С. 62.

[155] История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 352–353.

[156] *Жуков К. А.* Эгейские эмираты в XIV–XV вв. М., 1988. С. 124.

[157] История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 576,5 79.

[158] *Кузнецова Н. А.* Некоторые особенности формирования правящей элиты в Иране в XVIII–XIX вв. // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986. С. 242.

[159] История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 142.

ности или пожизненно за заслуги); эта форма проявляла со временем тенденцию к наследственной передаче вследствие распространившейся практики наследования должностей.

В государстве Фатимидов все воины делились на три разряда: к первому относились эмиры (командиры 100,40 и 10–5 воинов), ко второму – свита халифа (гвардия), к третьему – воины, составлявшие остальную армию.[160] Если до конца X в. ведущая роль в армии принадлежала берберской верхушке, то затем на первое место вышла гвардия, из командиров которой вышла новая военная знать, которую с середины XI в. стали наделять землями на правах икта, к концу XI в. она стала всесильной, сделав халифа марионеткой.[161] В Сельджукском государстве каждый воин, занесенный в реестры военного дивана, получал икта. Помимо воинов икта раздавались и иным лицам в индивидуальном порядке (в один из дней были розданы 75 дипломов на икта).[162] В государстве Хулагуидов, где простые воины первоначально получали только жалованье, в начале XIV в. все воины-монголы также получили икта. В Конийском (Румском) султанате, осколке государства Сельджуков, сановники получали крупные лены – икта, а рядовые воины – сипахи – тимары. Они были обязаны привести с собой установленное число ратников в зависимости от приносимого леном дохода (в денежном выражении), зарегистрированного в реестре. Каждый новый султан подтверждал права ленников на их земли. Упрочилась практика передачи их от отца к сыну.[163]

В Османской империи военно-служилый слой формировался за счет беев-завоевателей, захвативших владения в годы утверждения тюркского господства на бывших византийских территориях, получившие на разных условиях земельные владения от султана и доосманские землевладельцы, сумевшие сохранить свои владения, подчинившись туркам. Уже первые тимары, пожалованные Османом около 1300 г. были наследственными владениями, при Мураде I (1360–1389) было уточнено, что передача осуществляется только по мужской линии. Позже возник и институт чиновных пожалований – хассы и арпалыки, связанных с постом и передававшихся преемникам по должности. Он касался только крупных постов и размерами намного превосходил тимары и зеаметы.[164] Они устанавливались для членов правительства, наместников провинций и крупных военачальников (санджак-беев и выше), составляя свыше 100 тыс. аспр годового дохода. Ренты второго порядка – зеаметы (20–100 тыс. аспр) давались среднему звену (субаши, алай-беям и им равным), тимары (до 20 тыс.) – всадникам-спахи и младшим командирам и особо отличившимся чиновникам.[165]

В первой половине XVII в. имелась масса деклассированных бывших тимариотов, которые, разоряясь, не переходили, однако, в другую социальную категорию, продолжали считать себя аскери, добиваясь получения новых земельных пожалований. В 1596 г. правительство лишило было тимаров почти 30 тыс. человек, якобы не явившихся на войну, но последовавший социальный взрыв не позволил пойти на столь решительную ликвидацию системы.[166]

Специфическим для мусульманских стран институтом была конная гулямская (мамлюкская) гвардия, впервые появившаяся при Аббасидах (при ал-Мутасиме, 833–842) и также представлявшая элитную (как ни парадоксально, учитывая ее формальный статус) группу. Она

---

[160] *Семенова Л. А.* Из истории Фатимидского Египта. М., 1974. С. 123.

[161] История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 369.

[162] *Строева Л. В.* Государство исмаилитов в Иране в X I–X III вв. М., 1978. С. 6.

[163] История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 353,381–382.

[164] *Орешкова С. Ф.* Османский феодализм: типологические наблюдения // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 117,123.

[165] *Иванов Н. А.* О типологических особенностях арабо-османского феодализма // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 142.

[166] *Орешкова С. Ф.* Османская государственная структура: проблема жалованья и пожалований // Феномен восточного деспотизма. М., 1993. С. 268–269.

комплектовалась из юных рабов (в основном тюрок, славян и негров) и служила также источником кадрового резерва, ее члены (обычно формально оставаясь в статусе рабов) часто достигали высокого положения. Эта традиция была продолжена в государстве Саманидов (900–999), где высшие начальники гулямов со временем стали крупными землевладельцами, переставшими подчиняться правителям и в государстве Газневидов (962–1186), основателем которого был саманидский гулям. Здесь они проходили специальный курс обучения в школах, получали из казны ежегодное жалованье и продовольственное содержание. Некоторые достигали постов крупных военачальников, наместников областей и т. д.[167] Особенно широкое распространение получила эта практика в государствах Северной Африки – Фатимидов, Айюбидов и Мамлюков. При Айюбидах мамлюкские эмиры были главными получателями икта, а в последнем из них, обязанном своим происхождением тому, что мамлюки свергли последнего айюбидского султана, этому слою принадлежала вся полнота власти, мамлюкская гвардия превратилась в правящий слой, который сам из своей выслужившейся верхушки (эмиры или беи) выдвигал султанов, которые были ставленниками одной из двух мамлюкских корпораций: в 1250–1390 гг. они выдвигались из бахри («речных»), а в 1390–1517 гг. – из бурджи («башенных»). Военная организация мамлюков во главе со своими беями сохранилась и после османского завоевания, широко вербуясь в турецкие войска.[168]

В Османской империи аналогичным институтом были капыкулу («рабы августейшего порога»), рекрутировавшиеся как из пленных, так и по девширме – системе принудительного набора детей из христианских семей, обращавшихся в ислам и воспитывавшихся в рабской покорности султану. С XV в. юношей, взятых по девширме и прошедших специальное обучение в корпусе аджемиогланов или одном из дворцовых ведомств стали назначать на различные придворные и государственные должности. Со второй половины XV в. они проникают на самые высшие ступени, вплоть до поста великого везира (обычно через должности санджакбея, бейлербея, янычарского аги) и верхушка их получала особые крупные должностные пожалования – хассы и арпалыки. Постепенно в руках капыкулу оказались все важнейшие военные и административные посты (из них могли назначаться и высшие командиры сипахийского ополчения). Более того, занятие этих постов стало недоступным для тимариотов (в чьей публицистике XVII в. часты сетования на то, что все руководящие посты заняты «чужаками»).[169]

Духовенство, хотя и не имело, как в Европе, единой иерархической структуры, а представляло собой совокупность лиц, связанных со знанием, практическим применением и преподаванием ислама, было довольно четко очерченным и функционально практически не отличалось от европейского. При Аббасидах оформилось сословие факихов – мусульманского духовенства. Оно не имело четкой внутренней иерархии и было обособлено от государственного аппарата, самостоятельно назначая лиц на религиозные должности. Лишь в отдельных случаях создавалась более четкая структура, например, в государстве Фатимидов, пришедших к власти с помощью тайной миссионерской исмаилитской организации, бывшие странствующие проповедники (даи), стали высшим (и к тому же наследственным) слоем священнослужителей во главе с «даи ад-дуат», и в отличие от суннитского духовенства исмаилиты высших рангов, имеющие рукоположение имама, имели права, подобно христианским священникам, посвящать в общину, отлучать от нее, отпускать грехи. С другой стороны, гораздо более тесной в этом случае стала связь духовенства с государством: назначение на высшие религиозные

[167] *Агаджанов С. Г.* Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М., 1991. С. 36–37.

[168] История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 374,377,604.

[169] *Орешкова С. Ф.* Османская автократия: опыт типологической характеристики // Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987. С. 195–196; *Орешкова С. Ф.* Османская государственная структура: проблема жалованья и пожалований // Феномен восточного деспотизма. М., 1993. М., 1993. С. 267.

посты производили сами Фатимиды, государство взяло в руки и финансовые вопросы духовенства.[170]

При Сельджуках мусульманское суннитское духовенство и наиболее популярные шейхи относились к господствующему классу. В его руках находились вакфные земли и суд.[171] Государство создавало медресе для подготовки кадров духовенства, хотя, кроме должности кадия, всегда носившей религиозный характер, другие должности, занимаемые их выпускниками, не были связаны с государственной службой.[172] Содержание факихов, суфиев, чтецов Корана обходилось государству в 300 тыс. динаров ежегодно.[173]

В Османской империи за исключением высших духовных должностей, где срок службы был определен, социальный статус улемов был пожизненным. Только на высшие должности их назначало правительство, остальные замещались самими улемами.[174] При Османах шариатская власть с конца XV в. представляла новое и совершенно уникальное явление в истории ислама, имела строго субординированную четкую структуру с системой рангов и чинов и напоминала православную церковь, хотя руководила главным образом как раз светской стороной жизни. Шейх уль-ислам играл роль патриарха, ниже стояли 3 казиаскера (Румелии, Анатолии и Египта), имевших собственную иерархию сановников, делившихся на 9,10 и 6 ступеней соответственно. Шесть нижних ступеней – кадии различных рангов, высшие – великие и младшие муллы (в середине XVII в. 12 и 20 соответственно), приравнивавшихся к везирам и мирмиранам, игравшие роль архиепископов и епископов. На уровне эйалета во главе духовенства стоял главный кадий (великий или младший мулла), на уровне санджаков и крупных городов – старшие кадии, затем шли кадии малых городов и нахий. Собственно религиозная жизнь в ведении муфтиев, направлявшихся и контролировавшихся кадиями. Служители мечети были разбиты на 5 категорий: имамы, хатыбы, ваизы, муэззины и кайюмы, имевшие четкий круг обязанностей и определенное государственное денежное содержание.[175] В Иране при Каджарах часть улемов также получила официальные, оплачиваемые из казны должности.[176]

Весьма видное место в составе мусульманской элиты занимало гражданское чиновничество. Аппарат управления в мусульманских странах демонстрирует очень высокую степень однообразия, пожалуй, не меньшую, чем в дальневосточных странах ареала китайской политической культуры. Создатели халифата, не имея никакого опыта государственного управления применительно к нормальному государству, практически целиком заимствовали систему организации государственного аппарата у Сасанидского Ирана, привнеся, естественно, ту специфику, которая была связана с нормами мусульманского права. И то, что получилось в результате – а в законченном виде мы видим этот образец в Аббасидском халифате, затем в почти неизменном виде воспроизводилось во всех мусульманских государствах, возникавших на той же территории. Ни арабы, ни тюрки, ни монголы не меняли сложившийся системы управления[177] (даже те, кто считает, что Сельджукскую империю нельзя считать точной копией держав Саманидов, Газневидов и Буидов, отмечают лишь упразднение почтового ведомства и несколь-

---

[170] *Семенова Л. А.* Из истории Фатимидского Египта. М., 1974. С. 106–107.

[171] *Строева Л. В.* Государство исмаилитов в Иране в X I–X III вв. М., 1978. С. 4.

[172] *Семенова Л. А.* Из истории средневековой Сирии. Сельджукский период. М., 1990. С. 62–63.

[173] *Агаджанов С. Г.* Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М., 1991. С. 105.

[174] *Ацамба Ф. М.* Господствующий класс в социальной структуре египетского города (конец XVIII – начало XIX вв.) // Государство в докапиталистических обществах Азии. М., 1987. С. 210.

[175] *Иванов Н. А.* Организация шариатской власти и административно-хозяйственного аппарата в Османской империи XVI–XVII вв. // Феномен восточного деспотизма. М., 1993. С. 241–243.

[176] *Кузнецова Н. А.* Некоторые особенности формирования правящей элиты в Иране в XVIII–XIX вв. // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986. С. 238.

[177] *Семенова Л. А.* Из истории средневековой Сирии. Сельджукский период. М., 1990. С. 64.

ких отдельных высших должностей[178]). Этому образцу следовали в основном и более поздние державы: Османская империя и Сефевидский Иран. Общность эта дополнялась тем, что, кто бы ни составлял основу господствующего слоя в этих государствах – арабы, тюрки или монголы, носителем идеи и основным «наполнителем» гражданской бюрократической системы всегда выступал один и тот же элемент – оседлое иранское население, и делопроизводство в большинстве случаев велось на персидском языке. В государстве Сельджуков персидская бюрократия (виднейшим представителем которой был знаменитый Низам ал-Мульк, бывший вазиром свыше 30 лет) была важнейшим после тюркской знати элементом господствующего класса.[179] Сплошь иранским было чиновничество и государства Хулагуидов.[180] К бюрократии в государстве Фатимидов примыкали и лица свободных профессий (ораторы, литераторы, поэты, законоведы), также состоявшие на жаловании у султана.[181] Весьма значительный гражданский аппарат существовал и в государстве Мамлюков, хотя милитаристский характер государства проявлялся в том, что все руководящие должности в нём были заняты военными.[182]

В Османской империи чиновники считались «рабами султана» (капыкулу), что отражало способ их комплектования – из захваченных в плен молодых рабов и набранных по девширме. То есть они представляли собой тот же контингент, что и янычары.[183] Здесь также все важные посты в государстве занимали исключительно военные, элита «уровня решения» (в центре, эйалетах и арабских деспотиях XVIII–XIX вв.) фактически целиком состояла из них, большинство постов на «уровне управления», включая осуществление власти на местах, также замещалось армией, лишь в технических службах и на «уровне исполнения» армия уступала место эффенди, сельским нотаблям, родо-племенным шейхам и главам разного рода общин.[184] Территориально империя делилась на эйалеты (глава – бейлер-бей или мирмиран, с конца XVI в. вали), санджаки (глава – санджак-бей) и нахии (глава – субаши). Главы эйалетов и санджаков имели военное звание 1,2 или 3-х бунчужного паши.[185]

В Сефевидском Иране государственный аппарат, состоявший из персов, в XVI в. не игравший заметной роли, к началу XVII в. стал весьма раздутым и громоздким.[186]

Купечество не пользовалось особым уважением в большинстве мусульманских стран, однако фактически часто составляло весьма заметную и выделяющуюся своим благосостоянием элитную группу. При Сельджуках представители крупнейшего купечества, которые занимались оптовой торговлей и являлись кредиторами тюркских феодалов и персидской бюрократии и даже самих султанов, входили в состав господствующего класса или тесно примыкали к нему.[187] Купцы и ростовщики имели высокий статус и в государстве Фатимидов, причем любопытно, что хотя мусульманское право не признаёт сословий, в некоторых положениях брачного права именно в отношении этой категории населения содержались некоторые ограничения – так, запрещались браки между горожанами и крестьянами, между богатыми купцами и

---

[178] *Агаджанов С. Г.* Государство Сельджукидов и Средняя Азия в XI–XII вв. М., 1991. С. 100.

[179] *Строева Л. В.* Государство исмаилитов в Иране в XI–XIII вв. М., 1978. С. 4.

[180] История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 352.

[181] *Семенова Л. А.* Из истории Фатимидского Египта. М., 1974. С. 115.

[182] История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 377.

[183] *Орешкова С. Ф.* Османский феодализм: типологические наблюдения // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 124.

[184] *Иванов Н. А.* О типологических особенностях арабо-османского феодализма // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 144.

[185] *Иванов Н. А.* Организация шариатской власти и административно-хозяйственного аппарата в Османской империи XVI–XVII вв. // Феномен восточного деспотизма. М., 1993. С. 241.

[186] История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 583.

[187] *Строева Л. В.* Государство исмаилитов в Иране в XI–XIII вв. М., 1978. С. 5.

менялами и ремесленниками.[188] В Османской империи, где купечество рассматривалось как социально чуждый элемент, власти пренебрегали его интересами, третировали как торгашей и спекулянтов, а государственная регламентация и контроль серьезно ограничивали возможности накопления и развития торгового капитала.[189] Тем не менее в ряде регионов, в частности, в Египте в XVIII в., купцы имели свои объединения и нередко бывали очень богаты.[190]

[188] *Семенова Л. А.* Из истории Фатимидского Египта. М., 1974. С. 104–105.

[189] *Иванов Н. А.* Османское завоевание арабских стран. 1516–1574. М., 1984. С. 207.

[190] История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 608.

Кастовые общества

Индийский кастовый строй берет начало в варновом делении древних ариев (которое восходит еще ко временам существования древнеиндоевропейской общности III тыс. до н. э.). Ко времени прихода их в долину Ганга (конец II – начало I тыс. до н. э.), их общество четко делилось на 4 варны: брахманов (жрецов, хранителей религиозной традиции), кшатриев (правителей и воинов), вайшьев (все прочее свободное население) и шудр (лица низких занятий, зависимые). Низшая каста характеризовалась тем, что ее члены не проходили обряда инициации и не считались подобно первым трем «дваждырожденными». Варновое деление было общей чертой арийских племен, несмотря на то, что они не составляли политического единства. В случаях, когда племена объединялись на равных началах, аналогичные общественные группы рассматривались как принадлежащие к одной варне. Поскольку аристократия была неоднородна по племенной принадлежности и статусу, отдельные роды и кланы, возможно, образовывали замкнутые объединения, сходные с позднейшими кастами. Встречаются названия и групп, которые потом именовались кастами, не принадлежащие к аристократии (придворные барды-суты, изготовители колесниц и др.).[191]

Принадлежность к варне определялась происхождением, варну невозможно было сменить. В дальнейшем это обстоятельство обусловило весьма сложную картину социальной стратификации, поскольку реальный социальный статус многих групп начинал входить в противоречие с их варновой принадлежностью. Даже в древности, когда элита ограничивалась исключительно кшатриями и брахманами, представители низших варн иногда сумели занять самое высокое положение (объединившие Индию знаменитые династии Нандов и Маурьев не были кшатрийского происхождения). Проникавшие в Индию греки, бактрийцы, парфяне, гунны-эфталиты также находили место в сословно-кастовой структуре. Поскольку эти завоеватели получали высокое социальное положение, к ним нельзя было долго относиться как к варварам или отводить место в низу лестницы. Поэтому большую часть их рассматривали как деградировавших кшатриев. Размывание этой варны резко усилилось с падением республик и укреплением системы наемничества в армии. К VI–VII вв. рядовые кшатрийские роды почти исчезли, и к кшатриям стали причислять только царские династии. Но и из них многие погибли, а престолы захватили выходцы из других варн.[192]

С начала нашей эры древнее варновое деление превратилось в форму классификации каст. Кастой была любая эндогамная группа, претендовавшая на определенный вид труда или социальной деятельности как на свое «кастовое» занятие. Среди брахманов были уже не только жрецы, но землевладельцы, чиновники и даже военачальники. Древние кшатрии совершенно исчезли, уступив в Северной Индии свое место племенам, образовавшим раджпутские касты. На рубеже древности и средневековья завершился процесс идентификации торговцев и ростовщиков с варной вайшьев, к которой перестали относить крестьян, а шудрами стали называть свободных крестьян и ремесленников. В раннее средневековье удачливый вайшья или шудра, ставший крупным землевладельцем или военачальником, а то и правителем, мог рассчитывать на то, что его приближенные брахманы объявят его или его потомков кшатриями, а преуспевающие в торговле шудры становились в конце концов вайшьями.[193] Несмотря на обеднение,

---

[191] *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Древняя Индия. М., 1985. С. 167,169.

[192] По данным китайского путешественника середины VII в. Сюань Цзана, из 13 царей было 5 кшатриев, 4 брахманов, 2 вайшьи и 2 шудр. В средние века слово «кшатрий» выходит из употребления, и только немногие роды (особенно раджпуты) решались вести происхождение от древних кшатриев. Вайшьи при Сюань Цзане считались торговцами, более почтенными, чем земледельцы. *(Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Древняя Индия. М., 1985. С. 475–476.)

[193] История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 101.

представители высоких каст всячески уклонялись от унижающего земледельческого труда и стремились вести существование, используя труд низкокастовых.

Кастовая пестрота господствующего слоя была в дальнейшем преодолена путем приобщения владельческих родов независимо от их изначальной кастовой принадлежности к феодальной касте-сословию раджпутов (т. е. к варне кшатриев).[194] Причем раджпутские династии раннего средневековья довольно часто сначала выступали как безродные, и лишь затем им начали приписывать кшатрийское происхождение[195] Раджпутами также стала верхушка дравидийских и мундаских племен в Центральной Индии, а в новое время – потомки Шиваджи и других маратхских военачальников XVII–XVIII вв., имевших самое разное происхождение.[196]

В индийских государствах VI–XII вв. управление носило патриархальный характер, и чиновничества как отдельного слоя практически не было, армии были невелики и состояли из дружин правителя и вассалов. Торгово-ремесленные слои организовывались в корпорации (гильдии), купеческие организации были очень богаты.[197] На низшем уровне – в общине с древности был староста, обычно уже не выбранный – должность стала монополией определенной семьи и передавалась по наследству, а также писец и жрец.[198]

Господствующим слоем стал слой служилых землевладельцев, причем с захватом Северной Индии мусульманскими завоевателями и образованием в 1206 г. Делийского султаната, объединившего большую часть Индии, верхние слои его были представлены мусульманами, а средние и низшие – преимущественно индусами. При этом в течение многих столетий крестьянство и низшие (а порой и более высокие) слои феодалов данного региона принадлежали нередко к одним кастам.[199] В Делийском султанате и после мусульманского завоевания многие земли оставались в руках касты раджпутов на вотчинном праве, хотя многие их роды были истреблены или покорились, сохранив свои земли уже в качестве ленных владений. В существовавшей на юге Индии после распада Делийского султаната централизованной империи Виджаянагар (XIV–XVI вв.) военные вассалы (амаранайяки) получали земли (10–12 деревень) из государственного фонда на время службы, права наследования формально не было, но фактически они передавали их по наследству. Это государство отличалось тем, что в нём существовал развитый чиновничий аппарат.[200]

В основанной Бабуром в 1525 г. Могольской империи господствующий слой состоял из заминдаров (покоренных князьков, плативших дань с сохранением их земель на правах частной собственности) и джагирдаров – служилых землевладельцев (условным держанием был джагир – термин, утвердившийся вместо икта, обычно не передававшийся по наследству, а отходивший в казну и часто менявшийся; при Акбаре одной и той же землей владели в среднем не более 10 лет), которые содержали соответствующее число войск. Попытка Акбара в начале

---

[194] *Медведев Е. М.* Формирование эксплуататорского класса в Индии в древности и в раннее средневековье // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986. С. 195–196.

[195] Таковы Пушпабхути, Бхагадатты из Камарупы, Палы, Пратихары, Чанделлы. Из брахманов происходили Сатаваханы, Вакатаки, Парамары, Чахаманы и возможно Гухилоты, из вайшьев – Вардхаманы и Гупты.

[196] *Алаев Л. Б.* Кастовая система и социальная мобильность в Индии // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986. С. 199.

[197] История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 104–105.

[198] *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Древняя Индия. М., 1985. С. 296–297.

[199] Однако в ряде случаев выделившееся в результате разложения раджпутских племен крестьянство стало причисляться к другим, чем знать, кастам (так впавшие в зависимость хохары Пенджаба стали именоваться джатами, а знать того же этноса – раджпутами). Зависимость статуса от принадлежности к клану, характерная для раджпутских княжеств до X-XП вв., уступила место другим критериям знатности, в частности, принадлежности к служилому военному сословию *(Ашрафян К. З.* Некоторые факторы типологизации социально-экономического развития Индии в средние века // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 165–166,168).

[200] История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 317,324.

80-х гг. XVI в. заменить джагир жалованьем кончилась мятежом; до XVIII в. джагир оставался условным владением, хотя всё чаще передавался по наследству.[201]

В немусульманских государствах Индии, в частности в Майсуре и в маратхских княжествах (XVIII в.), существовала та же практика – раздача государственного фонда в служебные наделы военачальникам.[202] Существовала она и в государстве сикхов в Пенджабе, где были служебный джагир (по числу конницы, приводимой джагирдаром), отбиравшийся в казну, если наследник не был в состоянии нести ту же службу, и личный (безусловный – семьям умерших сардаров, религиозным деятелям, отличившимся офицерам и чиновникам), передававшийся по наследству и по праву завоевания (с правами служебного, но передававшийся по наследству); покорившимся раджпутским князьям, пуштунским ханам и другим землевладельцам здесь оставлялись их земли на правах частных. При Ранджит Синге в ряды джагирдаров широко привлекались новые люди, вскоре занявшие влиятельное положение в армии, аппарате и при дворе. Нередко это были выходцы из самых низших слоев общества. Господствующее положение среди них занимали сикхские сардары из джатов, преобладавшие в армии (в гражданском аппарате большинство составляли индусы и мусульмане).[203]

Сословно-кастовый статус купцов и ростовщиков в Индии всегда был значительно выше, чем крестьян и ремесленников. В XII–XIII вв. всё чаще встречаются упоминания о богатых и именитых купцах (историк начала XVII в. в числе «великих города» наряду со старшинами и военными называет ростовщиков-менял). На протяжении XIV–XVII вв. четко проявляется тенденция к повышению статуса отдельных торговых каст, некоторые их которых идентифицировали себя с брахманами, другие – с кшатриями.[204] В Могольской империи ее основатель Бабур стремился создать для купцов максимально выгодные условия – чем больше были доходы купца, тем меньший налог он платил. Деятельность купцов и их интересы охранялись государством, которое разработало ряд мер, защищающих их права.[205]

Низший слой элиты к XIX в., был, как и в древности и средневековье, представлен лицами общинной верхушки. В каждой общине имелся староста, писец, священнослужитель (брахман или мулла) и астролог.[206]

---

[201] Там же. С. 544,555.

[202] *Антонова К. А.* Английское завоевание Индии в XVIII веке. М., 1958. С. 146.

[203] *Семенова Н. И.* Государство сикхов. М., 1958. С. 38–40,42,74–75.

[204] *Ашрафян К. З.* Социальная мобильность и каста в средневековом городе Индии // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986. С. 206–207.

[205] *Азимджанова С. А.* Государство Бабура в Кабуле и в Индии. М., 1977. С. 148.

[206] *Антонова К. А.* Английское завоевание Индии в XVIII веке. М., 1958. С. 140.

Общества дальневосточной цивилизации

На Дальнем Востоке под мощным влиянием китайской цивилизации, лицом которой с конца I тыс. до н. э. стала своеобразная идеологическая доктрина, созданная на основе конфуцианства (и отчасти легизма), сложился ареал распространения китайской политической культуры, включивший не только собственно Китай и создававшиеся на его территории государства окраинных народов, но ряд соседних стран. Установки этой культуры оказали огромное воздействие на политическое устройство и социальную структуру дальневосточных обществ, в результате чего здесь сложилось то, что можно назвать «традиционной дальневосточной системой». Однако трехтысячелетняя история китайской цивилизации и самобытные особенности сопредельных стран обусловили ряд отклонений от «эталона», которые требуют отдельного рассмотрения. К обществам этого типа можно отнести, помимо самой китайской государственности с III в. до н. э. до начала XX в. (включая государства, создававшиеся в раннее средневековье на территории Китая вождями кочевых племен, копирующие китайские образцы), также окраинные Бохай (698–926), Наньчжао (653–902), киданьское Ляо (916–1125), чжурчжэньское Цзинь (1115–1234), тангутское Си Ся (1032–1227), Корею, Вьетнам и (некоторое время) Японию.

Основной чертой этих обществ является то, что элитные группы обычно официально не только не структурированы статусно, но и юридически слабо отделены от всего полноправного населения, причем традиционное представление об общественной иерархии не находило прямого отражения в законодательстве.[207] Наиболее очевидная социальная грань в любом дальневосточном обществе проходила между лично свободными и несвободными – «добрым» и «подлым» людом. Такое деление обязательно присутствует в законодательстве любой страны, независимо от особенностей социальной стратификации и конкретного набора социальных групп. Реальное положение позволяет разделить все социальные слои на 1) привилегированные, 2) непривилегированные полноправные, 3) неполноправные.[208] Законодательство делит их на более мелкие группы, при этом характерно, что детализируется положение низших слоев, а практически все элитные группы относятся к одной (1-й) сословной группе, даже если всего их около десятка,[209] лишь некоторые группы лиц умственного труда, не связанные с госаппаратом относятся ко 2-й («простому народу»).[210]

---

[207] Теоретическое представление об общественной иерархии, присущее всему времени существования традиционной дальневосточной системы, подразумевало деление населения на 4 группы, расположенные по степени престижа в зависимости исключительно от занятий: 1) ученые, образованные люди (ши), 2) земледельцы (нун), 3) ремесленники (гун), 4) торговцы (шан). Оно не касалось реальной социально-политической иерархии – по степени близости к власти (хотя, разумеется, предполагалось, что управлять должны ученые), игнорировало наличие общественных групп, стоящих вне (выше или ниже) этой схемы – привилегированных и неполноправных, и в целом относилось к «нормальному» (лично свободному) населению. Таким образом, это чисто теоретическое представление не претендовало на отражение политических реалий, но было той идеологической основой, на которой строилось социальное законодательство.

[208] Более дробное деление для «классического» периода традиционной дальневосточной системы может выглядеть так: 1) привилегированные (чиновники, родственники императора, члены знатных кланов), 2) свободные полноправные (ученые, земледельцы), 3) свободные неполноправные (ремесленники и торговцы), 4) несвободные бесправные (различные категории лично несвободных и рабы). В свою очередь вышеназванные слои могут быть разбиты (и обычно так или иначе выделяются в законодательстве) на более мелкие группы.

[209] Законодательство традиционной дальневосточной системы (Тан) различало 10 сословных групп, объективно делящихся на 2 категории – лично свободных (первые три) и несвободных (остальные): 1) лица, имеющие ранг – чиновничество, включая членов императорского клана и аристократических кланов, 2) простые люди («сто фамилий»), не имеющих рангов, должностей и титулов и связанных с ними привилегий, 3) монахи (буддийские, даосы и др.), 4) тайчан иньшэн жэнь, 5) буцюй и кэнюй, 6) чан чжу, 7) гун и юэ, 8) цзаху, 9) гуаньху, 10) нубэй (рабы) *(Кычанов Е. И.* Проблемы сословно-классового анализа общества Тан (VII–X вв.) // Социальные организации в Китае. М., 1981. С. 45–47,51).

[210] Так, в Юань все общинники делились на минь (обычных) и членов специальных статусных групп: ученые, частнопрактикующие врачи, астрологи, солдаты, военные поселенцы, ремесленники, производители соли, шахтеры, почтовые работники и т. д. Принадлежность к ним была настолько существенна, что выходец из этих групп указывал на свое к ним отношение даже

В сопредельных странах, имевших собственную социальную (аристократическую) традицию, социальная стратификация до проведения реформ по китайскому образцу отличалась от него, а со временем также приобрела отличные черты. В раннем корейском государстве Силла (I в. до н. э. – X в. н. э.) существовала иерархия привилегированных сословных групп в виде системы *кольпхум*: население делилось на 4 группы: 1) аристократия – родственники правителей-ванов («две кости» – *сонголь* и *чинголь*), 2) привилегированные сословные группы *тупхум*, 3) простолюдины (*яньиньı*), 4) неполноправные (*чхонинь*ı, в т. ч. рабы-*ноби*).[211] В дальнейшем (с периода Корё, X–XIV вв.) никаких сословий не существовало, за исключением разделения на лично свободных полноправных (*яньиньı*) и неполноправные (*чхонинь*ı). Однако затем, в период династии Ли, особенно с XVI в. подавленная аристократическая тенденция вновь пробила себе дорогу и вышла на поверхность, и общество фактически (на уровне не столько права, сколько юридической практики) делилось на ряд сословных групп, приобретших наследственный характер.[212]

Во Вьетнаме при династии Ли (1010–1225) население разделялось на 5 групп: 1) титулованные землевладельцы (в основном родственники монарха) и гражданские чиновники, а также их дети, поскольку они автоматически получали небольшой исходный ранг, 2) профессиональные военные чиновники и солдаты, 3) буддийские монахи, врачи и артисты, 4) простые дееспособные крестьяне-общинники, 5) старики, немощные, беглые. Причем все, кроме 4-й были освобождены от налогов.[213] При династии Чан (1226–1400) законодательство различало аристократию, чиновничество, простой народ и рабов.[214]

В Японии начиная с середины VII в. население подразделялось, как и в Китае и Корее, на 2 основные категории: *рёмин* – «добрый народ» (все свободные, высшей стратой которых были аристократия и чиновники) и *сэммин* – «подлый народ» (лично зависимые),[215] причем законодательством четко выделялись относящиеся к «доброму люду» (свободным) императорский клан, чиновники, монахи, простонародье, «государевы корпоранты» (томо-бэ) и «разные

в тех случаях, когда его отец и дед были чиновниками. Те же группы продолжали существовать и в Мин, причем некоторые были весьма многочисленными, например, в раннеминский период было зарегистрировано 2,7 млн взрослых мужчин из почти 2 млн дворов, принадлежащих к сословной группе солдат *(Ho Ping-ti.* The Ladder of Success in Imperial China. Aspects of Social Mobility 1368–1911. NY.-L., 1962. P. 55,59).

[211] Лица, принадлежащие к «двум костям» – все являлись в той или иной степени родственниками ванов и составляли аристократию. Ниже их стояли юктупхум, одупхум и садупхум (шести-, пяти- и четырехглавая степень соответственно). Эти группы могут считаться чем-то вроде европейского дворянства. Из их членов преимущественно формировалось чиновничество (хотя доступ в его ряды в нижней части пирамиды был широко открыт для свободных простолюдинов). Однако к этим трем категориям принадлежали практически все, кто стоял выше крестьян-простолюдинов, поскольку, например, деревенские старосты относились к одупхум и садупхум, так что предполагаемые трех-, двух- и одноглавая степени включали уже простолюдинов, и указания на какие-либо различия между ними и даже вообще на их реальное существование в источниках отсутствуют. Принципиальная разница существовала, во-первых, между «костями» и «тремя пхум», а во-вторых, между последними и всем остальным населением.

[212] Это были янбаны (чиновники), чунъины (незаконные дети янбанов и лица свободных профессий), сори и хянри (потомственные канцеляристы), санмин (торговцы), конмин (ремесленники), янмин (свободные крестьяне), чхонмин (личнозависимые и лица презираемых профессий). При этом вполне бесспорно выделялись только первая и последняя, а остальные часто объединялись в янмин (иногда с выделением либо чунъинов, либо конминов).

[213] *Деопик Д. В.* История Вьетнама. Ч. 1. М., 1994. С. 93. Д. В. Деопик подчеркивает, что во Вьетнаме основной фигурой был свободный крестьянин. «Из них выходили чиновники, монахи, военные. При этом их братья оставались в деревне, и сюда же возвращались после отставки чиновники». *(Деопик Д. В.* История Вьетнама. Ч. 1. М., 1994. С. 5.) Вьетнамский помещик происходил из богатых крестьян той же деревни; чиновниками могли стать его дети, реже и только в позднее время – он сам. К XIX в. основой феодального класса всё более становились помещики, а чиновничество постепенно занимало то место, которое оно занимает в поздних абсолютистских государствах – высокопрестижное сословие платных служащих, лишь часть из которых является помещиками (при этом последние частью были таковыми при рождении, частью стали, накопив богатство на службе (Новая история Вьетнама. М., 1980. С. 187–188)).

[214] История Вьетнама. М., 1983. С. 127.

[215] *Грачев М. В.* Формирование древнеяпонского чиновничества в VII – начале VIII вв. Рукопись канд. дисс. М., 1998. С. 201.

дворы» (дзакко), на ряд групп делился и «подлый люд».[216] Затем, однако, развитие японского общества сошло с пути традиционной дальневосточной системы, и с X в. постепенно формируются сословия европейского типа, прежде всего военно-служилое сословие самурайства, которое вместе с придворной аристократией *кугэ* (формально считавшейся высшей по отношению к самурайству социальной группой) было высшим сословием страны. К началу XVII в., ко времени сёгуната Токугава сословное деление, введенное в конце XVI в. при Хидэёси (самураи-крестьяне-горожане) осталось тем же, только горожане разделялись на ремесленников и купцов,[217] т. е. схема сословий приняла вид классического китайского представления о делении общества с той разницей, что в Японии оно соответствовало реальному сословному делению. Придворная аристократия, занимавшая формально еще более высокое место в обществе, фактически стояла вне сословий, представляя собой замкнутую группу, лишенную всякой иной роли, кроме «декоративной». Это сословное деление было отменено только в 1872 г., когда всё население, кроме императорского клана кодзоку, стало делиться на 3 формально уравненных в правах сословия: *кадзоку* (придворная аристократия *кугэ* и военная знать), *сидзоку* (служилое военное дворянство *букэ*) и *хэймин* (простой народ – крестьяне, горожане и др.).

Отличительной чертой обществ дальневосточной цивилизации было то, что основой элиты, ее интегрирующим началом было чиновничество, которое в широком смысле может пониматься как привилегированный социальный слой, связанный с государственной службой (которая и является источником его привилегированного положения) и охватывающий как примыкающие к собственно чиновничеству социальные группы, так и членов семей. В этом смысле дальневосточное чиновничество по своей функциональной роли в государстве и месту в социальной структуре общества, соотносимо с европейским дворянством.

Стержнем его было регулярное ранговое чиновничество – т. е. находившиеся на действительной службе и занимающие определенные должности полноправные чиновники, имеющие один из общегосударственных рангов (в наиболее распространенном варианте существовало 9 рангов, с разделением каждого на две степени). Все остальные элитные группы были так или иначе производными от него – либо они составляли его высшую часть и занимали особое положение (аристократия), либо стояли ниже (нерангированные субчиновники-канцеляристы, обладатели ученых степеней), но непосредственно примыкали к нему.

Эти группы могут быть разбиты на 3 категории: 1) аристократия (лица, имеющие общегосударственные ранги по праву происхождения и связанных с ним титулов, члены знатных родов), 2) «резервное чиновничество» (отставные чиновники, фиктивные или «почетные» чиновники, неслужащие обладатели ученых степеней), 3) члены семей и родственники чиновников. Эти категории не представляли собой четко отграниченные друг от друга общности, а переплетались между собой. Так, часть аристократии, находясь на действительной службе, представляла собой полноправное ранговое чиновничество (взаимосоотнесенность чиновничества и аристократии будет рассмотрена ниже в особом разделе), а часть ее представителей представляла собой неслужилых обладателей степеней. Положение членов семей чиновников трудно отграничить от членов семей лиц, имеющих ранги по праву происхождения, т. е. аристократии, поскольку их правовая оформленность базировалась на одном и том же основании – наличии общегосударственного ранга у главы семьи. В свою очередь, члены прослойки «резервного» (неслужилого) чиновничества могли быть обязаны своим положением принадлежности к семьям как регулярного чиновничества, так и аристократии, и в значительной степени из них же и происходили, поскольку именно положение родителей давало им либо

---

[216] *Воробьев М. В.* Межсословные и внутрисословные границы в раннесредневековой Японии // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986. С. 75–77.

[217] *Спеваковский А. Б.* Самураи – военное сословие Японии. М., 1981. С. 13–14,19.

ранги по праву происхождения, либо давало возможность таковые купить. Хотя в полной мере привилегии связанные с нахождением на государственной службе распространялись только на чиновников действительной службы, а «почетные чиновники», дети чиновников и «почетных чиновников», а равно уволенные со службы относились к сословию простолюдинов, статус их отличался от массы последних.[218]

Аристократия в традиционной дальневосточной системе обычно представляла собой слой лиц, обладавших рангами в силу своего происхождения, это, как правило, были родственники правящего дома. Такие лица, не неся обязанностей действительной службы, были формально равны полноправному ранговому чиновничеству, т. к. их наследственные титулы соответствовали одному из общегосударственных рангов. Обычно их было относительно немного, но иногда этот слой вырастал до социально значимых размеров.[219] Кроме того, к аристократии часто относят членов могущественных кланов, из поколения в поколение поставлявших чиновников. Социальный статус их членов, несмотря на то, что совсем не обязательно все их представители были чиновниками, был достаточно устойчив и высок, чтобы этих лиц можно было отнести к привилегированному слою: хотя сами по себе они никакими привилегиями не пользовались, но в силу многочисленности в составе таких родов чиновников (и довольно высокопоставленных), почти все их члены охватывались правовой «тенью» служилых родственников.

Первые китайские государства, как отмечалось выше, были чисто аристократическими, однако с эпохой централизованных империй аристократическая идея надолго была забыта (тем более что к середине III в. до н. э. большая часть знати была истреблена в войнах). В Цинь (221–207 до н. э.) и Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.) ее круг сузился до членов императорского рода и ограниченного круга лиц, обладающих титулами.[220] Что касается «сильных фамилий», то их круг был несколько шире, и далеко не все из них считались принадлежащими к аристократии. В эпоху Хань к «сильным фамилиям» относились: 1) старые роды, потомки знати шести доциньских царств, 2) родственники императора, ставшие ванами и хоу, 3) роды императорских супругов, 4) чиновные семьи, 5) богатые торговые семьи, 6) «исправители неправоты» юся, т. н. странствующие удальцы. Все они имели общее – экономическую силу.[221]

---

[218] Что касается отставных чиновников действительной службы, то разница в отношении сословных прав пролегала в Тан между чиновниками 1–5-го и 6–9-го рангов. Последние при увольнении со службы подлежали зачислению в реестры податей и повинностей и лишались прав на «земли вечного владения». Отставные чиновники 1–5-го рангов переходили в байсин только в случае «потери имени» и сохраняли те же права на «земли вечного владения», что и находящиеся на службе. Потомки чиновников 1–5-го рангов, «потерявших имя», уже не могли восстановить статус предков и навечно оставались в сословии байсин, хотя и сохраняли наименование «потомков чиновника 4-го ранга». «Почетные чиновники» (не имевшие должностей, а только почетное звание сань) изначально принадлежали к байсин, но сверх обычных крестьянских наделов имели еще «земли вечного владения», положенные им в соответствии с их званиями. Сюда же относились лица, имевшие звания за заслуги сюнь – «чиновники за заслуги». Звания эти, как и все другие, не передавались по наследству, и дети таких лиц, не имевшие собственных званий, именовались «потомками почетного чиновника» *(Тюрин А. Ю.* Формирование феодально-зависимого крестьянства в Китае в III–VIII вв. М., 1980. С. 23–25,162).

[219] В Мин к концу династии численность близких и дальних родственников, не занимающих должностей, но имеющих ранги, титулы и звания, превысила 100 тыс. человек *(У Хань.* Жизнеописание Чжу Юань чжана. М., 1980. С. 230).

[220] В Цинь и Хань существовало до 20 ненаследственных рангов знатности (их можно было и купить): низшие с 1 по 8-й и высшие с 9 по 20-й, освобождавшие от обычных повинностей. Однако это были не более чем эквиваленты чиновных рангов, причем включавшие в себя и тех, кого впоследствии относили к субчиновникам (низшие 1–8-й ранги). В число же знати входили обладатели титулов хоу – родственники императора, высшие чиновники и отличенные за выдающиеся заслуги. Обладатели 19-го и 20-го рангов знатности получали в кормление определенное количество дворов *(Крюков М. В., Переломов Л. С, Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н.* Древние китайцы в эпоху централизованных империй. М., 1983. С. 28–29). Итак, к аристократии в Хань относились 3 социальные группы: 1) родственники императора, 2) члены семей императриц и вдовствующих императриц, 3) заслуженные чиновники *(Chu Tung-tsu.* Han Social Structure. Seattle-London, 1972. P. 75–79,86).

[221] В отличие от обычных семей из 2–3 поколений (5–6 человек) эти семьи часто представляли собой значительное число людей, живущих вместе (хотя и не обязательно под одной крышей). Ими были более или менее монополизированы чиновные посты в местном управлении, в т. ч. и в Поздней Хань *(Chu Tung-tsu.* Han Social Structure. Seattle-London, 1972. P. 160,207,231).

В период Южных и Северных династий (420–589), когда право рекомендаций на службу перешло в руки представителей местных кланов, которые, естественно, предпочитали выдвигать родственников, аристократия возродилась именно на этой новой основе.[222] В III–VI вв. аристократический статус был формально связан с обладанием 2-й из «деревенских категорий», открывающей ее обладателям к высшим должностям. Появились семьи, члены которых постоянно обладали этой категорией. С разделением должностей на «чистые» и «грязные», первые стали привилегией аристократов, занимавших их в юном возрасте и без экзаменов. На Юге верхнюю ступень социальной лестницы заняли т. н. *цзяцзу, цзюмэнь* (первостатейные или старые кланы), которым противостояли худородные *ханьжэнь, суши* («холодные» или простые мужи), подразделявшиеся на *цзымэнь* и *хоумэнь* (второстепенные и поздние дома).[223] Там существовали два типа знатных родов – эмигрировавшие с севера и местные. С 490 г. аристократические роды появляются и на Севере. В Северном Вэй титулы знатности китайского образца стали наследственными, и положенные им земельные пожалования с определенным числом слуг, переходя также по наследству, позволили им превратиться в крупных землевладельцев. В Тан (618–907), в отличие от более ранних времен, аристократические роды выступали главным образом как потомственные профессиональные чиновники.[224] К этому времени ряд аристократических кланов существовал в течение тысячелетия.[225] С падением Тан очень многие из них погибли в войнах и мятежах, а новые правители не нуждались в старых аристократах. В период Пяти Династий (907–960) происходит постепенное, но неуклонное падение роли аристократии, хотя в начале периода она занимает еще довольно прочные позиции в верхушке общества.

При централизованных империях последующего периода круг аристократии вновь ограничивается родственниками правящего дома и обладателями ненаследственных титулов знатности.[226] В Юань (1271–1368) аристократия состояла из лиц, имеющих 8 титулов знатности.[227] В Мин (1368–1644) принцы императорской крови *циньваны* могли командовать важные воинскими соединениями, однако с начала XV в. они не привлекались к управлению, как чаще всего и другие императорские родственники и родственники императриц; более низкими титулами знатности наделялись также заслуженные военные чиновники.[228] В Цин (1644–1911) братья и

---

[222] Практически только дети лиц, получивших высокую «категорию качества» и поступивших на службу, могли рассчитывать сами получить соответствующую оценку. Поскольку же от высоты оценки зависела и высота поста, сложились семьи высокоранговые, второстепенные, меньшие и просто годные для службы *(Ebrey P. B.* The Aristocratic Families of Early Imperial China. Cambridge, 1978. P. 17–19).

[223] *Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. С. 54–59.

[224] *Twitchett D.* The Composition of the T'ang Ruling Class // Perspectives on the T'ang. New Haven-London, 1973. P. 55–56.

[225] *Ebrey P. B.* The Aristocratic Families of Early Imperial China. Cambridge, 1978. P. 108,112.

[226] Такое соединение вполне правомерно: какая-то часть сословия или группы внутри него может быть и ненаследственной, в частности, положение обладателей ненаследственных титулов знатности среди аристократии тождественно, например, положению личных дворян в составе российского дворянства.

[227] Аристократия здесь не ограничивалась сыновьями императоров и их потомками: вожди кочевых племен, участвовавших в первых завоеваниях, и в конечном счете почти все высшие и средние гражданские чиновники в конце получали почетный титул знатности *(Hucker C. O.* A dictionary of official titles in Imperial China. Stanford, 1985. P. 67). Аристократический статус не был всегда наследственным, и за особые заслуги человек мог повышаться в титуле. Коренная племенная аристократия получала большие земельные владения в Китае и собирала любой налог на прилегающих землях, хотя правительство старалось установить стандартную таксу (целая современная провинция Юннань была в наследственном владении одной семьи, а Тибет был сравнительно автономен под контролем двух фаворитских семей.)

[228] Большинство чиновников (около 60 %) не имели служащих одновременно с ними родственников (лиц своего клана – т. е. лиц той же фамилии из одного уезда), особенно в центральном аппарате, где не имели родственников 88,4 % (616 человек), имели по одному родственнику 9,7 % (68), по два 1,3 % (9) и по три – 0,6 % (4 человек). Однако выделялись отдельные кланы, представители которых были среди чиновников весьма многочисленны: процент лиц, имеющих от 1 до 8 родственников, плавно убывает, но лиц, имеющих свыше 9 родственников, больше, чем имеющих 3. Например, одновременно служил 71 представитель клана Лин, занимая 128 должностей *(Parsons J. B.* The Ming Dynasty Bureaucracy: Aspects of Background Forces // Chinese Government in Ming Times. NY.-L., 1969. P. 207).

сыновья императора по-маньчжурски именовались *бейло* и им давался титул принца императорской крови *циньван*.[229] Свою аристократию пробовали создать даже Тайпины.[230]

Аристократия существовала и во всех трех корейских раннесредневековых государствах – Когурё, Пэкче и Силла, хотя состав ее был разным в каждом из них. В Когурё аристократия была представлена слоем так называемых *га*; высшие чины (по четвертый включительно) охватывались понятием *чоый*, которое и обозначало аристократию.[231] Для Когурё с его огромной территорией была свойственна сравнительно слабая централизация власти, и ее аристократия представляла собой сидящих на местах и контролирующих определенные территории многочисленных местных властителей. В более централизованном и гораздо меньшем по размерам Пэкче аристократия образовывала придворный столичный круг, включавший 8 родов. Что же касается Силла, то здесь аристократия была ограничена родственниками правящего рода,[232] число которых за несколько столетий существования династии возросло до нескольких сот; они охватывались понятием *чинголь* («истинная кость»).[233] Важнейшей привилегией аристократов, резко обособлявшей их от других привилегированных сословных групп *тупхум*, было то, что только они могли занимать должности, соответствующие 5 высшим рангам (из 17), поскольку это означало, что все сколько-нибудь важные посты оставались под контролем аристократии, и она составляла высший слой чиновничества.[234]

---

[229] Все члены императорской фамилии, а также заслуженные чиновники имели титулы знатности, но им никогда, даже номинально не давалось земельных владений. Наиболее высокопоставленные принцы присоединяли к титулу эпитеты (церемонный ли, величественный су и почтительный гун), употреблявшиеся почти как фамилии. Не имея владений, принцы жили в столице и в отличие от минской практики занимали посты в аппарате *(Hucker C. O.* A dictionary of official titles in Imperial China. Stanford, 1985. P. 84). Принцу полагалось 1440–540 му и 10–1,3 тыс. таэлей, обладателям более низких титулов – от 360 му и 700–500 таэлей, до 240–60 му и 410–110 таэлей *(Hsieh Pao Chao.* The Government of China (1644–1911). New York, 1966. P. 48).

[230] Высшей прослойкой в тайпинском государстве были князья (до 1856 г. 7, в 1860–16), в 1853 г. был введен титул хоу (к 1856 г. его имели 16 человек), а в 1856 г. было учреждено 6 новых титулов между хоу и ваном (каковых к концу насчитывалось около 2700 разных степеней). Официальные указы закрепляли особое положение лиц, отнесенных к высшей аристократии и бюрократии *(Королева Н. А.* Административная система Тайпинского государства // Социальные организации в Китае. М., 1981. С. 122).

[231] Китайские летописи сообщали, что они «воюют сами», а «низшие дворы» кормят их. Собственно, когда речь идет о когурёских чинах, то между их носителями явно просматриваются элементы феодальных отношений: «все тэга сами назначают своих саджа и чоый сонинов, которые напоминают частных вассалов» *(Пак М. Н.* Описание корейских племен начала нашей эры (по «Саньго чжи») // Проблемы востоковедения. 1961, № 1. С. 119), причем «сильные из больших дуйлу утесняют и грабят бессильных и поставляются сами собой, а не царской властью определяются» *(Бичурин Н. Я.* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. 2. М.-Л., 1950. С. 58). В «Тан шу» и «Син Тан шу» говорится: «Те, кто называются чоый, есть выдающиеся люди. [Они] держат в руках государственную политику, через три года сменяются, [но] если хорошо служат, то не сменяются. Вообще, если в день смены не подчиняются, то нападают друг на друга. Ван оберегается, запершись во дворце, и соглашается с тем, кто победил» (Самгук саги (Исторические записи Трех государств). Т. 2. Пхеньян, 1959. С. 293).

[232] С учетом того, что в Силла престол последовательно занимали представители трех родов – до 184 г. Пак, до 356 г. Сок и затем Ким.

[233] Верхушка покоренных или добровольно присоединившихся общин и протогосударственных образований лишь в редких случаях могла претендовать на равный с ними статус. Так произошло, в частности, с потомками ванского рода покоренного государства Кая, которым была дарована фамилия правящего в Силла рода Ким, и таким образом они были причислены к последнему.

[234] Свою карьеру все аристократы, в том числе и сыновья вана, начинали с младших рангов. Ранговая структура не образовывала стройной пирамиды: число лиц, находившихся к каком-то чине, вовсе не обязательно должно было быть меньше числа лиц более низкого или больше числа лиц более высокого чина. По одному из сообщений за 669 г., соотношение было примерно (эти 36 человек только часть лиц высших чинов) таким: 1 в Исключительном, 1 в Особом, 7 в 1-м, 5 во 2-м, 4 в 3-м, 6 в 4-м и 12 в 6-м ранге. (См.: Самгук саги. Т. 1. Пхеньян, 1958. С. 165.) Но во всей шеститысячной массе чиновничества, особенно в VIII–IX вв., они составляли ничтожное меньшинство (доля высших должностей составляла всего 1,6 % – 91 человек). Хотя абсолютное число членов сословия чинголь с годами возрастало, рост чиновничества шел еще быстрее, и доля их в нём падала. (*Волков С. В.* Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М., 1987. С. 178–179). Важной привилегией аристократии было право владеть в условиях господства принципа государственной собственности на землю частными земельными участками. Выражением «внеструктурного» политического влияния аристократии была должность сандэдына, введенная в 531 г. Эта высшая должность в государстве не была, однако, связана с каким-либо учреждением, а стояла особняком: сандэдын был председателем аристократического совета при ване. Вообще в первые века существования Силла аристократия играла

В период Корё (918–1392) аристократия не была, как в Силла, юридически обособленной группой. Родственников основателя династии было не так много, чтобы они могли представлять собой заметную социальную группу, да и государство строилось в дальнейшем по образцу Сунского Китая, так что аристократического сословия как такового создано не было. Однако аристократическая прослойка, хотя и неформально, существовала. К ней, помимо членов правящего рода (имевших особые титулы) и членов родов фаворитов – фактических правителей, создавших «параллельные» династии, подобно сёгунским в Японии, можно отнести наиболее знатные роды, насчитывающие 8–9 поколений служилых предков или происходивших от ванов Силла.[235]

При династии Ли в конце XV в. выделялось 77 знатных кланов (в т. ч. и пришедших в упадок), в конце XVI в. 22 клана вели происхождение с периода Корё. Хотя эти кланы считались знатными, они в условиях копирования меритократической китайской системы не имели никаких официальных служебных преимуществ, и многие представители даже древнейших кланов не поднимались выше рядовых латников, особенно в первые десятилетия новой династии; да и вообще в XIV–XVI в. аристократическая тенденция проявлялась крайне слабо.[236] Положение изменилось в XVII–XVIII вв., когда клановая система получила значительное развитие. К концу XVII в. выделилась аристократическая прослойка *полёль* из десятка наиболее влиятельных родов, связанных брачными узами друг с другом и с династией и игравших определяющую роль в жизни страны.

В Японии в V–VI вв. помимо императорского клана, занимавшего особое положение,[237] сложился социальный слой, состоящий из родов, имеющих потомственные родовые титулы – звания-*кабанэ*, который и конституировался в качестве аристократии.[238] В дальнейшем число

определяющую роль, выдвигая на престол того или иного вана, к середине VII в. устанавливается режим автократии, а с конца VIII в. влияние аристократии снова начинает расти. Такое положение аристократии в структуре общества было следствием того, что Силла возникло непосредственно из первобытного состояния, а не являлось наследником какого-нибудь предшествовавшего ему государственного образования. В государствах, создаваемых на развалинах предшественников, искусственно ограничить круг аристократии родственниками правящего дома почти невозможно: последнему трудно игнорировать оставшиеся аристократические роды, связанные с прежней династией (если они только не истребляются полностью). В самой Корее, в частности, аристократия Корё, созданного на развалинах Силла и вновь объединившего полуостров, принципиально отличалась по характеру своего от силлаской, включая, в частности, многие роды, происходившие от ванов Силла.

[235] При сравнении высшего чиновничества – всего было обследовано 750 лиц, встречающихся в биографических разделах «Корё са», без учета членов правящего рода (Корё са. Т. 8–11. Пхеньян, 1964–1966) по двум характеристикам – наиболее родовитых (имеющих не менее 6 поколений служилых предков) и имеющих наиболее высокопоставленных отцов (имеющих 1–4-й ранги) – обнаруживается, что существенной взаимосвязи между ними не существовало *(Волков СВ.* Чиновничество и аристократия в ранней истории Кореи. М., 1987. С. 199–200).

[236] Даже первые генеалогии кланов начали составляться не ранее 1565 г. (как исключения, есть сведения о родословных, составленных тремя кланами в 1423,1476 и 1482 гг.), причем традиции составления генеалогий и историй родов не были свойственны Корее с древних времен до этого времени, некоторые даже не помнили 4 поколений своих предков, так что к началу XVII в. едва дюжина кланов располагала составленными генеалогиями. Более того, даже потомки выдающихся лиц в случае провала на экзаменах брались рядовыми солдатами в армию (такая участь постигла, в частности, правнука Ким Джонджика – главной фигуры корейского конфуцианства XV в.) и теряли янбанский статус *(Ch'oe Yong-ho.* The Civil Examinations and the Social Structure in Early Yi Dynasty Korea: 1392–1660. Seoul, 1987. P. 143–149).

[237] Его составляли: старшие принцы синно (братья, сестры, сыновья и дочери императора), младшие принцы сёво (остальные члены рода по мужской линии), принцы 5-го поколения (праправнуки старших принцев – иногда сохраняющие титул, но не пользующиеся привилегиями принцев). В 706 г. в состав императорского клана были включены потомки в 5-м поколении, с 729 г. – в 6-м, а с конца VIII в. он стал пополняться по императорским указам без учета степени родства. Однако вследствие чрезмерного разрастания этой группы в X в. положения 706 и 729 гг. были отменены и дальние потомки низведены до уровня обычных высших чиновников *(Грачев М. В.* Формирование древнеяпонского чиновничества в VII – начале VIII вв. Рукопись канд. дисс. М., 1998. С. 215–216).

[238] Титул кабанэ первоначально был титулом «служебного состояния», со временем превратившись в наследственный. Первоначально основную роль играли носители титулов оми и мурадзи (в большинстве возводившие свое происхождение к легендарным царям древности и частью находившиеся в родстве с императорским домом), роды, связанные с профессиональными функциями, имели титулы томо-но мияцуко, провинциальная знать – куни-но мияцуко, атаи, агата-нуси и др. Последние категории представляли собой знать, начавшую формироваться при дворе и вообще на основе службы, причем последняя проявляла тенденцию к усилению, но всё-таки занимала среднее и низшее звено в придворной иерархии. В 684–685 гг. была проведена реформа титулов кабанэ, отражавшая, с одной стороны, стремление императорской власти регулировать положе-

пожалованных этими титулами родов возросло, однако наряду с ними продолжали бытовать и некоторые старые титулы, а ряд родов в виде исключения не имели титула-*кабанэ*. В 815 г. был составлен свод всех японских родов «Синсэн сёдзироку» (которые подразделялись по происхождению на три группы: от царей, от божеств и от иммигрантов).[239] В целом же не только высшее, но и среднее звено государственного управления находилось в руках наиболее знатных родов.[240] Однако характерной особенностью Японии с самого начала было то, что этот слой был сопоставим не с аристократией, каковой было, скажем, сословие *чинголь* в Силла, а с европейским дворянством или «сильными фамилиями» Китая III–VIII вв. Его было слишком много. И если верхушку чиновничества, как и в Силла, составляла действительно аристократия – круг самых знатных родов, то всё чиновничество в целом практически и исчерпывалось представителями носителей *кабанэ* (или им равных зарегистрированных родов), причем человек, попавший в состав чиновничества из простолюдинов, тем самым входил и в эту категорию (что теоретически влекло за собой присвоение *кабанэ*), т. е. так, как это было с офицерским корпусом в Европе.

В государстве Цзинь аристократия была представлена императорской семьей, которая возглавляла мощный клан Ваньянь, состоявший к 1183 г. из 170 семей и насчитывавший 982 человек, и еще 8 знатнейшими родами.[241] В Бохае аристократию составляли ближайшие родственники вана (занимавшие высшие и наиболее ответственные должности), а также представители 6 наиболее знатных родов,[242] которые и составляли верхушку чиновничества.[243] В тангутском обществе аристократию образовывали родовые старшины. Обособление старшинской родовой верхушки произошло в X в. Китайские историки выделяют небольшую группу родов, от которых в той или иной степени зависели все остальные. После установления связей с Китаем эта иерархия проявилась в значимости различных титулов и должностей, пожа-

---

ние родов в зависимости от преданности династии, с другой – реакцию аристократических кругов на слишком быстрое возвышение при дворе иммигрантских и вообще менее знатных родов. Вместо около 30 титулов кабанэ было введено 8: махито, асоми, сукунэ, имики, мити-но си, оми, мурадзи, инаки. При этом костяк высшего чиновничества составляли носители титулов асоми и сукунэ, к которым и были причислены наиболее знатные и влиятельные роды. Высшим титулом считался махито (его носители имели наиболее тесную связь с императорским домом), пожалованный первоначально 13 родам, титул асоми получили 52 рода. В VII в. из 4 человек, получивших чин высший сё, 2 имели титул асоми, по 1 – махито и сукунэ, из 42, получивших второй по значимости чин дзики – 5 махито, 23 асоми, 6 сукунэ, 2 имики, 3 мурадзи, по 1 оми, фухито и сугури. В VIII в. из числа лиц, имевших 1-й ранг, 80 % составляли асоми и 20 % сукунэ, 2-й – 19 % махито, 71 асоми и 10 сукунэ, 3-й – 10,72 и 18 соответственно (*Грачев М. В.* Формирование древнеяпонского чиновничества в VII – начале VIII вв. Рукопись канд. дисс. М., 1998. С. 25,31–34,39,42,80).

[239] *Мещеряков А. Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм. М., 1987. С. 176.

[240] Обращает на себя внимание некоторое сходство правового положения аристократии в Японии и Силла. И там, и там она составляла верхушку чиновничества, «зарезервировав» за собой 5 высших рангов. Однако аристократические традиции в Японии были несравненно мощнее (что в конечном счете вместе с относительной слабостью китайского влияния и определило развитие страны по иному пути). Здесь аристократы получали общегосударственный ранг уже в силу своего происхождения (к тому же не в 25, а в 21 год от роду) и, что самое главное, вне службы, таким образом вся аристократия была приравнена к чиновничеству, причем часть ее составляла его верхушку, а часть образовывала категорию санви. Лица последней категории могли использоваться в качестве телохранителей (императорских – из детей лиц 4–5-го рангов, принцев крови – из детей лиц 6–8-го рангов, сановников – из детей столичных и провинциальных чиновников 9-го ранга). В гвардию также отбиралось по 1 человеку от уезда из детей местной администрации. Поскольку состав ее был именно таков, гвардейцам в период службы разрешалось держать экзамены и делать чиновничью карьеру (Свод законов «Тайхорё». Т. 2. М., 1985. С. 85,2–25). В Государственный университет принимались дети и внуки лиц не ниже 5-го ранга (исключение делалось только для двух иммигрантских родов потомственных писцов), а дети лиц 6–8-го рангов – только по «настоятельной просьбе» родителей; в провинциальные школы принимались дети и младшие братья уездных чиновников. В результате столь мощных привилегий детям чиновников ниже 6-го ранга было практически невозможно подняться по службе выше 4-го ранга *(Мещеряков А. Н.* Древняя Япония: буддизм и синтоизм. М., 1987. С. 42).

[241] *Воробьев М. В.* Чжурчжэни и государство Цзинь. М., 1975. С. 126–129,142,172.

[242] Источник называет роды Гао, Чжан, Ян, Доу, У и Ли *(Е Лун-ли.* Цидань го чжи (История государства киданей). М., 1979. С. 335).

[243] Среди последнего известны представители 49 различных родов, большинство из которых, судя по фамилиям, мохэские, но встречаются китайские, когурёские и силлаские (Государство Бохай (698–926 гг.) и племена Дальнего Востока России. М., 1994. С. 50).

лованных китайским двором. С образованием Си Ся эта социальная иерархия была закреплена структурой государственного аппарата. Представители старшинских родов заняли в нём места в соответствии со своей иерархией. О том, что этот слой (или вообще все те, кто стоял выше простонародья) образовывал особое сословие, свидетельствует тот факт, что родственники совершивших воинское преступление младших командиров переводились в сословие «пастухов и земледельцев». Многочисленные родственники императора, имевшие титул ванов, составляли верхушку сословия, ниже стояло чиновничество.[244]

Во Вьетнаме аристократия первоначально сложилась как группа крупных земельных собственников, которая после 880 г. (фактического освобождения от власти Китая) взяла власть в стране, но не в лице одной династии, а борющихся группировок. Основой ее организации были аристократические роды *хо*, из поколения в поколение собиравшие доходы с определенной группы общин и занявшие свое положение явочным порядком, а не по воле китайской власти (некоторые вышли из богатых крестьян). Среди членов этих родов были жрецы национальной религии – культа предков, часть была (иногда наследственно) чиновниками китайской администрации. Впоследствии крупнейшие из этих родов превратились в политически независимых правителей *шыкуанов* или их подчиненных разного уровня, имущество которых состояло из дарованных сюзереном частных земель. Во главе своих дружин они вели войны между собой, с монархом *вуа* и со свободными деревнями. При династии Чан (1226–1400) аристократия возглавлялась сыновьями правителя и принцами крови, которые в зависимости от титула получали кормовые районы, право на создание резиденций и своих вооруженных отрядов из принадлежащей им челяди (при следующей династии Ле содержание частных отрядов было запрещено). Причем по мере разрастания рода Чан и ухода старых сановников эпохи Ли все титулованные служилые верхи стали состоять почти исключительно из его членов, которые пользовались правом наследования титула (с понижением). Среди аристократии, однако, росла прослойка неслужилых. Для представителей династии стали правилом внутриродовые браки. Почти все члены рода жили в деревнях, выезжая в столицу лишь для аудиенций и исполнения высших должностей. Из своих резиденций в провинции они шли на войну во главе своих дружин.[245] При последующих династиях аристократия формировалась такими же путями – как потомки императоров и члены правящего рода, хотя членство в этом кругу было ограничено определенным числом поколений. Кроме того, в XVI–XVIII вв. в состав аристократии входили родственники узурпаторской династии Маков, а также правителей-*тюа* из рода Чиней и Нгуенов.

Таким образом, место аристократии в традиционной дальневосточной системе (в ее зрелой форме) характеризуется тем, что там она, как правило, состоит как из родственников правящей династии, так и из ограниченного круга лиц – обладателей ненаследственных титулов знатности, на практике – с тенденцией образования «знатных родов», не принадлежащих к правящему дому (которые, впрочем, юридически неотличимы от других: члены императорской фамилии и их родственники имели некоторые привилегии – смягчение наказаний, но аристократические кланы формально никакими привилегиями не обладали) и в целом реально составляет верхушку чиновничества (доступ в эту верхушку тем не менее открыт лицам любого происхождения). Однако как раз близкие родственники правителей в составе высшего чиновничества не преобладали, а часто даже намеренно отстранялись от реальной государственной службы. Но на ранних этапах государственной истории сопредельных с Китаем стран, а также в некоторые периоды истории самого Китая аристократия была юридически выделена в особую сословную группу с монополией на занятие высших должностей и обладания высшими рангами, т. е. занимала в системе общества и власти такое же положение, как в государ-

[244] *Кычанов Е. И.* Очерк истории тангутского государства. М., 1968. С. 101–102,104,107.

[245] *Деопик Д. В.* История Вьетнама. М., 1994. С. 61–62,146–147; История Вьетнама. М., 1983. С. 128,182.

ственно-патриархальных странах Юго-Восточной Азии и сравнимое с ролью и положением ее в европейских странах, где она лидировала в деле государственного управления и до создания регулярного аппарата и армии, а затем длительное время составляла весьма заметную часть руководства последними. Но и в целом по положению аристократии в системе общества и власти бюрократические дальневосточные деспотии скорее могут сравниваться с аристократическими монархиями Европы, чем с деспотиями «демократическими» (того, например, типа, что известен в некоторых мусульманских странах), где существовании аристократии в принципе невозможно.

Социальные группы, лишь условно входящие в состав чиновничества или примыкающие к нему снизу, в Китае известны под общим названием слоя неслужилых *шэньши.* Этот слой (в западных работах именуемый по аналогии с европейским дворянством «джентри») – обладателей низших купленных рангов, почетных званий, а позже – ученых степеней появляется в Китае на рубеже нашей эры и в дальнейшем становится постоянным компонентом социальной структуры дальневосточных обществ.[246] Состав всего слоя лиц, известных как *шэньши*, иногда делят на две группы, из которых к первой относятся чиновники (действительной службы, отставные и смещенные, в т. ч. те, кто купил свой статус), а ко второй – неслужащие обладатели степеней и званий, в т. ч.: 1) *цзиньши*, 2) *цзюйжэни*, 3) *гуншэны*, 4) *цзяньшэны* и 5) *шэнъюани* (известные также как *сюцаи*).[247] Однако в социальном плане едва ли не более существенная граница пролегала между с одной стороны – чиновниками и обладателями высших степеней, дававшими право стать чиновником, и с другой – обладателями низших степеней (*шэнъюани* и с 1700 г. *цзяньшэны*), которые в принципе не могли ими стать. Это касается не только обладателей степеней, но и всех других категорий лиц, примыкающих в социально-культурном и психологическом плане к чиновничеству, но не могущих рассчитывать на нормальную служебную карьеру полноправного рангового чиновника, каковые существовали и в других стран региона.

В Корее слой неслужилых обладателей степеней стал формироваться с XV в., когда была введена система раздельных экзаменов на ученую степень и на должность. Лауреатов первых каждые 3 года было 200, а потом и 260, тогда как вторых – 33. Обладатели ученых степеней *сэнвон* и *чинса* могли затем сдавать экзамены на должность, поступать в Государственный Университет или поступать на службу по рекомендации или праву «тени», однако более половины их, и чем дальше, тем большая часть, возвращались на родину и становились членами местной элиты. Этот процесс и предопределил превращение с конца XVII в. *янбанов* из сословия служащих чиновников в сословие, подобное *шэньши* в Китае, а, учитывая гораздо более сильную сословно-аристократическую традицию, не вполне подавленную в период Корё, – в сословие, более схожее с европейским дворянством. На местах они образовывали социальную группу с наивысшим престижем (поскольку те, кто стояли выше них по положению – лауреаты гражданских экзаменов на должность и вообще чиновники – оказывались исторгнуты из местного общества, поскольку им запрещалось служить на родине) и объединялись в неформальные

[246] Рассматривая цинский период, в понятие «джентри» включают как всех чиновников (в том числе отставных и тех, кто купил свои ранги), так и обладателей ученых степеней и академических званий, никогда не состоявших на службе и занимавшихся частной практикой. Весь этот круг лиц в культурно-психологическом отношении образует некоторое единство, и у европейца возникает ассоциация со знакомым ему дворянским сословием, часть которого служит, а часть просто живет в своих имениях или находит себе применение в сфере «свободных профессий». И в том аспекте, в котором этот слой здесь рассматривается, такая ассоциация вполне оправданна (любопытно, что в Англии в конце XVI – начале XVII в. в состав дворянства-«nobilitas» включались, например, титулованные лица, епископы, рыцари, эсквайры, джентльмены, священники и т. н. «literatos» – «все образованные, имеющие какую-либо ученую степень» (Европейское дворянство XVI–XVII вв.: границы сословия. М., 1997. С. 12–13).

[247] *Chu Tung-tsu.* Local Government in China under the Ch'ines // 'Harvard East Asian Studies'. Cambridge. Mass., 1962, № 9. P. 171.

организации *самасо* и *тоннёнхо* (объединяли лиц, получивших степени на экзаменах определенного года).[248]

В Японии существовала категория *санви* – лиц, имеющих ранги, но не занимавших должностей (т. е. обладатели *сань*), а также приравненная к ней категория *кунви* – обладателей государственных наград. Из них во время войны набирались начальники отрядов и их помощники, но негодные к службе могли использоваться в качестве *сибу* – канцеляристов. Кроме того, существовал слой *сёдзин* – неранговых потомков знати, облагаемых налогом и несших воинскую повинность, но освобожденных от трудовой (из них в случае войны набирался младший комсостав).[249] Дети старших принцев (братьев и сыновей императора) получали ранг 4б2, дети младших принцев (другие члены императорского рода) и праправнуки старшего принца – 5в2, старшие дети последних – 4а1, младшие – 4а2. Детям и внукам чиновников 1–5 рангов (аристократии) ранги присваивались автоматически, вне зависимости от службы (к рангам были приравнены и награды,[250] но для потомков лиц 4-го ранга – с понижением на одну, а 5-го – на две ступени[251]).

Во Вьетнаме обладатели титулов знатности передавали старшему сыну титул с разницей в 10 ступеней, прочим детям 11, старшему внуку – 12 ступеней, чиновники 1-го ранга – только старшему сыну: военные с разницей в 10, гражданские – 11 ступеней. Родителям обладателей титулов, придворных женщин и военных чиновников 1–4 рангов присваивались посмертные титулы на одну ступень ниже детей, гражданских – на две. Обладатели титулов *куокконг, куанконг, хау, ба*, императрица и 3 второстепенные жены императора имели право титулования деда и бабки, а вдовствующая императрица – также прапрадедов и прабабок. Обладатели титулов знатности кроме *ба* передавали потомкам также титулы знатности, а чиновники – военные и гражданские должности.[252]

Члены семей и родственники чиновников принадлежали к чиновничьему сословию в силу тех прав и привилегий, которые имело полноправное чиновничество в отношении этих лиц. На членов семей и ближайших родственников распространялась правовая защищенность, т. е. в отношении их действовали те правовые нормы, которые и отделяли чиновничество от основной массы населения, оформляя его как особое сословие. Жены же чиновников во всех странах региона имели специальные звания в соответствии с рангами мужей.[253]

В государствах дальневосточной цивилизации слой чиновничества (в широком понимании) и по функциям, и по положению в социальной структуре, и по доле в обществе – это единственный слой, эквивалентный высшему сословию в Европе (за исключением одного различия, но зато фундаментального, выражающего самую суть разницы между европейской и дальне-

---

[248] Центрами, вокруг которых объединялась в провинции местная элита, были совоны – храмы, посвященные памяти выдающихся конфуцианских деятелей, при которых имелись также школы, служившие чем-то вроде клубов и имевшие небольшую земельную собственность и ноби. Некоторым из них ваны жаловали собственноручно написанную вывеску, и такие имели право на 20 человек сотрудников и прислуги (обычные – 15). К 1721 г. насчитывалось 235 совонов, до 1800 г. было создано еще 195, но во второй половине XVIII в. много их было и закрыто *(Ланьков А. Н.* Политическая борьба в Корее XVI–XVIII вв. СПб., 1995. С. 31).

[249] Свод законов «Тайхорё». Т. 2. М., 1985. С. 165.

[250] Обладатели 12 разрядов государственных наград получали права лиц, получивших ранги (последние также могли получать эти награды), в следующей пропорции:

[251] Свод законов «Тайхорё». Т. 1. М., 1985. С. 132–134.

[252] *Антощенко В. И.* Система должностей и титулов во Вьетнаме XV–XVIII вв. и отражение в ней структуры господствующего класса // Вестник Моск. ун-та. Сер. XIII: «Востоковедение». 1990, № 1. С. 40–41.

[253] В частности, во Вьетнаме женская титулатура состояла из 22 ступеней и распространялась на жен обладателей титулов знатности и чиновников 1–4-го рангов, причем титулы жен обладателей титулов знатности по рангу полностью соответствовали титулам мужей, жены военных чиновников имели титулы с разницей в 5 ступеней против рангов их мужей (т. е. жены чиновников рангов 1а-4б имели ранги 3б-7а), а гражданских – в 7,9 и 10 ступеней (т. е. жены чиновников рангов 1а-2а, 2б-3б, 4а-4б имели ранги 4б-5б, 7а-8а и 9а-9б соответственно). Прижизненные женские звания 1–3-го рангов были привилегией придворных женщин (*Антощенко В. И.* Система должностей и титулов во Вьетнаме XV–XVIII вв. и отражение в ней структуры господствующего класса // Вестник Моск. ун-та. Сер. XIII: «Востоковедение». 1990, № 1. С. 40–41).

восточной цивилизациями – официальной правовой наследственности привилегированного и равного для всего слоя статуса). Но если относительно собственно Китая можно говорить только о сравнениях такого рода, то в сопредельных странах, развивавшихся изначально на аристократической основе и лишь заимствовавших принципы китайского социально-государственного устройства – и в Японии, и в Корее, и во Вьетнаме, раньше или позже, но проявилась тенденция к формированию на основе служилого слоя сословия, практически полностью тождественного европейскому дворянству. В одном случае (Япония) такое сословие оформилось официально, в другом (Корея) существовало как бы «незаконно» – вне кодифицирования, но на основе повседневной юридической практики, в третьем (Вьетнам) охватывало только часть служилого слоя, но, так или иначе, эта тенденция пробивала себе дорогу.

Корейское янбанство периода Чосон также вполне может быть соотнесено с европейским дворянством. Оставаясь теоретически сословием служащих чиновников, оно с конца XVII в. всё больше превращалось в сословие лиц, имеющих право служить, поскольку количество должностей в государственном аппарате, оставаясь с XV в. постоянным, стало приходить во всё более резкое противоречие с быстрым ростом янбанской прослойки. Только если более трех поколений одной семьи не служили, она теряла янбанский статус и переходила в сословие потомственных канцеляристов (*сори)*.[254] Во Вьетнаме в начале XIX в. целенаправленно формируется сословие наследственной знати из так называемых «бангкокцев» – семей, находившихся в конце XVIII в. вместе с основателем династии Нгуенов в эмиграции в Сиаме. В 1817 г. для них в соответствии с заслугами было введено 7 титулов (приравненных к рангам от 2б до 8б), передававшихся по наследству (старшим сыновьям и старшим внукам) с понижением в каждом поколении, причем в 6-м поколении все потомки обладателей первых пяти титулов сравнивались и сообщали своим потомкам одинаковый титул *анкиуи* (6б ранга) без понижения.[255]

В Японии разрыв с принципами традиционной дальневосточной системы был наиболее ранним, резким и последовательным. Междоусобные войны X–XII вв. способствовали станов-

---

[254] Ряд привилегий янбан не был связан с государственной службой: неподсудность обычному суду (их дела рассматривались специальным органом Ыйгымбу), смягчение условий тюремного заключения, неподверженность женщин пыткам, заковыванию в колодки и некоторым видам телесных наказаний, предоставление возможности осужденному покончить самоубийством, особые одежда и головной убор, запрещение сидеть и курить в их присутствии, право давать в суде показания стоя (а не на коленях), обязанность простолюдинов спешиваться и кланяться при встрече с ними. Ограничивались в правах поступления на государственную службу дети от наложниц, потомки политических преступников, дети и внуки вышедших замуж вдов. Янбанское сословие пополнялось также из числа янминов путем усыновления за плату богатых крестьян (этой возможности были лишены торговцы и ремесленники, поскольку для янбан эти занятия считались недопустимыми). Ниже янбанов стояло сословие чунъинов, возникшее в XV–XVI вв. как прослойка детей янбан от наложниц, которые считались простолюдинами, однако на практике, обладая образованием, воспитанием и средствами, с ними не сливались, однако в дальнейшем всё больше становилось самовоспроизводящимся, поскольку дети чунъинов наследовали статус родителей. Кроме того, в это сословие могли переходить получившие специальное образование сори и янъины; с другой стороны, наиболее неудачливая часть чунъинов переходила в янъины. Это сословие примыкало к янбанам, поскольку также пополняло ряды чиновничества, однако для его представителей существовали ограничения по служебному продвижению (с различиями в зависимости от статуса матери – происходила ли она из янъинов или чхонинов), и даже в случае занятия регулярных должностей они не получали служебных наделов. На практике чунъины занимали должности, требующие не конфуцианской, а специальной подготовки (в Корее традиционно насчитывалось 10 таких дисциплин: 4 языка – китайский, маньчжурский, монгольский и японский, медицина, гадание, живопись, математика, право, даосизм). Этот маргинальный слой дал огромное количество участников разного рода антиправительственных выступлений и идеологов движения «сирхак» (за реальные знания) и постоянно поднимал вопрос о равноправии с янбанами (что поддерживалось частью последних). В 1696 г. внукам свободных наложниц и правнукам несвободных было разрешено сдавать гражданские экзамены, а в конце XVIII – начале XIX в. были сделаны дальнейшие уступки *(Ланьков А. Н.* Политическая борьба в Корее XVI–XVIII вв. СПб., 1995. С. 41,45–46,48). Третье служилое сословие, сформировавшееся в XV в. – сори также не было отстранено от возможности поступления в состав чиновничества, однако потолок их служебной карьеры также был ограничен в провинции 5-м старшим, в столице – 7-м старшим рангами.

[255] Таким образом, они пользовались даже большими привилегиями, чем потомки братьев императора, через 5 неслужилых поколений превращавшихся в простолюдинов. К 1819 г. эта группа включала 30 семей (предполагалось включение всего около 300). Однако следующий император, действуя в духе традиционных установок на препятствование образованию наследственных привилегированных слоев, пресек развитие этого сословия *(Рябинин А. Л.* Рождение империи Нгуенов. М., 1988. С. 411–412,414–416).

лению самурайства. С утратой императором реальной власти и установлением в 1192 г. первого сёгуната Минамото самураями стало считаться все военные, включая и самого сёгуна. Верхушку их составляли владетельные князья даймё, а собственно самураи делились на две группы, первая из которых – *гокэнин*, непосредственных вассалов сёгуна, составляла стержень сословия, а вторая – *хигокэнин* включала мелких дружинников, прямо или непосредственно подчинявшихся императорскому двору или храмам. В дальнейшем среди самурайства различались следующие группы: 1. *Даймё* (князья) трех классов (*госанкэ, фудай* и *тодзама*) в зависимости от отношения к дому Токугава.[256] 2. *Хатамото* («знаменосцы») – непосредственные вассалы сёгуна.[257] 3. *Гокэнин* – мелкие вассалы сёгуна.[258] 4. *Байсин* – вассалы вассалов – самураи, находившиеся в подчинении высших самураев.[259] 5. *Асигару (кэнин)* – низшие самураи – рядовые воины. 6. *Ронин (роси)* – самураи, утратившие место в иерархии и клане и переходившие от сюзерена к сюзерену или объединявшиеся в банды грабителей. Подобная структура высшего служилого сословия практически ничем не отличается от европейской. При уравнении в 1872 г. сословий за самураями была закреплена монополия на офицерские должности в армии – всего около 40 тыс. человек, а многие из них пополнили полицию (составив там абсолютное большинство).[260] То есть самурайство повторило путь, чуть ранее пройденный европейским дворянством, которое при создании регулярной армии естественным образом составило и часть рядового, и, конечно, командный состав ее.

Наконец, и в самом Китае был период (IV–VIII вв.) когда служилое сословие было отделено от населения вполне по-европейски. В это время не только высшие должности были монополизированы несколькими виднейшими кланами, составлявшими аристократию, но все служилые роды (именно роды, т. е. все члены родов, из которых выходили чиновники, а не только сами чиновники и их ближайшие родственники) были в правовом отношении отграничены от массы населения. Проводилось жесткое и формальное отличие родов *шидафу* (служилых) от *шумин* (простолюдинов) – они отдельно вносились в подворные реестры, освобождались от налогов, трудовой повинности, военной службы, земельной платы и торговых сборов, не подвергались телесным наказаниям (а только денежным штрафам, понижением в ранге и должности или задержкам в карьере). Более того, браки их с общинниками были запрещены, и даже внутри них существовала иерархия групп, некоторые из которых практиковали эндогамию. Уже начиная с Вэй (Троецарствие) люди отбывали на службу на основании статуса их семей, а со времен Северного Вэй (386–534) эта система стала повсеместно внедряться в Китае; так стали выделяться «8 кланов», «10 фамилий», «36 родов», «92 фамилии» и т. д. При этом, что характерно, в основу статуса родов была заложена всё-таки не древность происхождения или родственная близость к правителям, а всё-таки «бюрократический» элемент – служебные достижения членов рода, которые (в чём можно усмотреть сходства с системой местничества в России XVII в.) служили основанием для выдвижения потомков.[261] Причем в отличие

---

[256] К госанкэ принадлежали всего 3 рода: Кии, Мито и Овари, фудай насчитывалось 150 родов, они располагали доходом 1 млн – 100 тыс. коку риса в год, и на каждые 100 тыс. коку были обязаны содержать 2,5–3 тыс. самураев, т. е. до 25–30 тыс. каждый.

[257] Их было около 5 тыс., они имели право личной аудиенции у сёгуна, входить в помещение с главного входа, не падать ниц перед госанкэ и ездить верхом в Эдо. Они получали паек менее 10 тыс. коку в год (незначительная часть – и земли-та) и в случае войны поставляли 5 человек с каждой тысячи коку риса годового дохода, в мирное – входили в состав администрации сёгуна.

[258] Их было 15 тыс., они получали паек 100 коку. Хатамото и гокэнин делились на 2 класса: фудай (роды ближайших сподвижников Токугавы Иэясу) и гохо.

[259] Они получали около 30 коку.

[260] *Спеваковский А. Б.* Самураи – военное сословие Японии. М., 1981. С. 19–20,129–130.

[261] Двумя высшими категориями родов были каолян (чьи предки занимали в трех поколениях должности «Трех князей») и хуаю (имевшие предков шаншулинов или пуе), затем шли роды 1-го ранга (цзясин) – имевшие в роду глав департаментов палаты Шаншу и выше, 2-го ранга (исин) – глав 9 управ или начальников областей, 3-го и 4-го рангов (более низкие должности, не ниже ланчунов и ланов). Позже эта система пришла в беспорядок ввиду невозможности точно определить ранг семей. В

от Европы, где единых реестров дворянских родов, как правило, никогда не существовало, в Китае таковые составлялись неоднократно. Таким образом, принцип иерархии по родовитости получил государственную санкцию. Знатность человека удостоверялась указанием на его родные места (*цзюньван*). В начале Восточной Цзинь (317–420) был составлен первый свод знатных родов из 10 разделов. В последующем реестры таких родов исправлялись, дополнялись и приняли вид многотомных уложений.[262] Характерные для этого периода безусловный примат идеи родовитости и обостренное чувство сословной принадлежности к *шидафу* пронизывали всю жизнь верхов период Южных и Северных династий вплоть до последних мелочей.[263]

танское время на основании служебных достижений предков служилые кланы (помимо выделившихся во второй половине VII в. «7 великих фамилий» высшего разряда – см. главу 4) образовали 5 степеней рангов, охватывающих все несколько сот семей, которые были названы шицзу (образованные служилые роды). Все прочие семьи стали считаться общинниками (шусин) *(Twitchett D.* The Composition of the T'ang Ruling Class // Perspectives on the T'ang. New Haven-London, 1973. P. 49,55–56,77–79,81). Он подчеркивает, что для определения социального происхождения человека в Тан существуют только два критерия: 1) доказанное членство в малой группе сверхэлитных кланов, 2) путь поступления на службу по экзамену или «тени». Но «тень» не была привилегией знатного слоя в целом, а основывалась на ранге отца независимо от его кланового происхождения. Кроме того, только немногие из членов родовитых кланов были чиновниками, а многие представители самых аристократических кланов жили в бедности и работали своими руками.

[262] В 634,638,659,681,749 и других годах составлялись перечни аристократических родов (до середины VIII в. их было составлено более 10). В списке 634 г. фигурировало 398 кланов, в 638 г. императору был поднесен труд в 100 частях, где было поименовано 1651 родов, принадлежащих к 293 кланам, которые были разбиты на 9 степеней социальной значимости. После утверждения императором он был обнародован и распространен в империи. В 659 г. император решил заменить его новым из 200 частей, включавшим 2287 родов 245 кланов. Этот труд подчеркивал личные и служебные достижения более, чем происхождение (т. к. в 600–705 гг. были введены экзамены) и ранжировал все семьи строго в соответствии с официальным рангом или титулом знатности, достигнутыми главами семей при нынешней династии и ограничивал итоговый семейный статус исключительно прямыми потомками получившего эту должность и отрицая равный статус для побочных и дальних родственников. В 713 г. Лю Чжун преподнес трону свой труд из 200 частей, который в следующем году был обнародован. Разумеется, официальные назначения не зависели больше от положения семьи, как в предсуйский период, и книги 659 и 713 гг. были направлены на приведение положения семей в соответствии с реальными достижениями их членов. 739 г. датирован лист из 398 фамилий, сопровождающийся указанием, что представителям родов, не поименованным в нём, запрещается брак с представителями названных в списке родов. Имеется также манускрипт из Дуньхуана, написанный не ранее середины 790-х гг., где вместо 398 фамилий перечислены не менее 791, многие из которых совершенно неизвестны и с трудом ассоциируются с кланами с устоявшейся репутацией. В IX в. практика составления генеалогических реестров и институт цзюньван исчезли *(Twitchett D.* The Composition of the T'ang Ruling Class // Perspectives on the T'ang. New Haven-London, 1973. P. 63–65,68,73–74; см. также: *Eberhard W.* Conqueres and Rulers. Social forces in medieval China. Leiden, 1965. P. 38)

[263] Как писал историк Шэнь Юэ (441–513): «Если при Чжоу и Хань люди делились на «мудрых» и «неученых», то в Вэй и Цзинь – на «знатных» и "безродных"» *(Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В.* Китайский этнос на пороге средних веков. М., 1979. С. 54–55). Ма Дуаньлин (XIII в.) писал: «Отпрыски знатных фамилий были в большом почете, а людей низкого происхождения презирали. Поэтому в отличие от позднейших времен никто не хвастался тем, что он быстро поднялся из низов, и никто не стыдился говорить, что он сделал карьеру благодаря знатности своей семьи». Шэнь Ко, ученый XI в., уподоблял организацию раннетанского общества кастовому строю Индии и утверждал, что такой строй был насажден в Китае завоевателями-кочевниками и свойствен всем варварским народам, но не китайцам *(Малявин В. В.* Аристократия раннесредневекового Китая и ее историческое значение // Социальные организации в Китае. М., 1981. С. 21).

Общества Юго-Восточной Азии

В традиционных обществах Юго-Восточной Азии государственно-патриархального типа основным делением было деление на свободных и несвободных, а среди свободных – между господствующим слоем и народом (в Сиаме, в частности, именуемых *най* и *прай*, и отделенных от рабов системой социальных рангов *сактина*). При этом среди них различаются две группы стран, в первой из которых градация рядового населения не подвержена вмешательству государства (Паган, Ангкор, королевство Камбоджа и Ява), а во второй (Сиам, Бирма времен Таунгу и Конбаунов) – подвержена ему.[264]

В средневековых обществах Юго-Восточной Азии (в т. ч. и во Вьетнаме) выделяют 6 основных социальных групп: аристократия («титулованная знать и родственники монарха»), чиновничество («служилые феодальные землевладельцы с рангами, титулами»), низшее (неранговое) чиновничество и солдаты привилегированных войск, общинная верхушка, основная масса лично свободных общинников, лично несвободное население деревни.[265] В Сиаме с середины XV в. помимо аристократии (родственники монарха до 5-го поколения) выделяются 4 сословия: чиновничество, духовенство, свободные простолюдины, рабы (духовенство не платило налогов и пополнялось из всех слоев населения, но его члены в любой момент могли вернуться в первоначальное состояние). В Ангкоре и постангкорской Камбодже чиновники не выделялись в особое сословие.

[264] *Тюрин В. А.* Типы социально-политической структуры средневековых обществ Юго-Восточной Азии // Типы общественных отношений на Востоке в средние века. М., 1982. С. 214–216,218).

[265] *Деопик Д. В.* Вертикальная социальная мобильность низших групп феодальных землевладельцев и общинной верхушки в Юго-Восточной Азии // Классы и сословия в докапиталистических обществах Азии. М., 1986. С. 181.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.